

Евгений БИКТАШЕВ

Саратовский
вальс

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА САРАТОВА

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 1
от 30 августа 1996 года

О присвоении звания
"Почетный гражданин города Саратова"
Бикташеву Е.М.

За выдающиеся заслуги в области музыкального искусства, активную творческую и общественную деятельность

БИКТАШЕВУ Евгению Михайловичу,
композитору, Заслуженному артисту России,
присвоено звание "Почетный гражданин города Саратова".

Мэр – глава
администрации
города Саратова

Ю.Н. Аксененко

Саратовский вальс

Спасибо
за внимание

От простого деревенского мальчишки, пятого ребёнка в семье неграмотных родителей, до художественного руководителя и главного режиссёра областной концертной организации «Поволжье», члена трёх творческих союзов, председателя Правления Саратовской композиторской организации, секретаря и почётного деятеля Союза композиторов России, действительного члена Международной академии творческих инициатив, почётного гражданина города Саратова и Саратовской области, заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан, народного артиста России, авторитетного музыкального и общественного деятеля. Это и есть жизненный путь композитора Евгения Бикташева.

О нём пишут известные исполнители, композиторы, музыковеды, журналисты и обыкновенные зрители. Эта книга для тех, кто интересуется его биографией и творчеством.

Бикташев

ОБ

Евгений БИКТАШЕВ

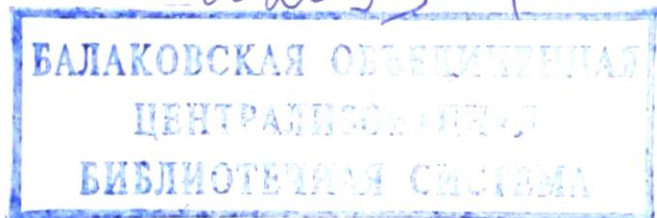
85.31
560

Саратовский вальс

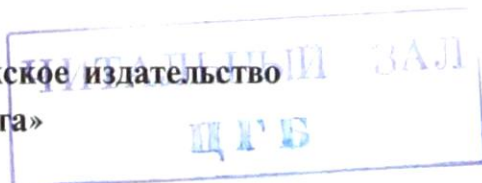
*Автобиографическая повесть
с газетными публикациями,
зрительскими отзывами, рецензиями
известных исполнителей,
композиторов и музыковедов,
с рассказами о смешном и грустном,
с фотографиями и песнями*

*Издание второе,
дополненное*

102093-1 ✓

Саратов
ОАО «Региональное Приволжское издательство
«Детская книга»
2005 г.

УДК 78.071 (470.44-25)+929

ББК 85.31 (235.54)-8

Б60

*Любимой дочери
Бикташевой Гюзале
посвящается эта книга*

Автор

Бикташев Евгений

Б60 Саратовский вальс. Саратов: ОАО «Региональное Приволжское издательство «Детская книга». — 2-е издание. — 2005. — 480 с.: ил.

ISBN 5-8270-0199-6

Автобиографическая повесть известного саратовского композитора Евгения Бикташева — автора популярных песен о Саратове, Волге, о любви, обо всём, что так дорого каждому из нас.

Рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 78.071(470.44-25) + 929

ББК 85.31 (235.54) — 8

ISBN 5-8270-0199-6

© Евгений Михайлович Бикташев, автор, 2004.

© ОАО «РПИ «Детская Книга», 2004.

© Валентин Константинович Иванов, художник, 2004.

© ОАО «РПИ «Детская Книга», 2005.

Глава I

Вскоре после того, как я стал почётным гражданином города Саратова, в мэрии возник разговор о том, что неплохо бы издать книгу о жизни и деятельности почётных саратовцев, о том, чем они заслужили это высокое звание. Кто-то предложил издавать не книгу, а брошюры, что и дешевле, и быстрее.

Договорились вернуться к этому вопросу позже, но уже сегодня предложить ныне здравствующим почётным гражданам, не теряя времени, написать о себе, а для тех, кто затрудняется, подобрать профессиональных литераторов. Беспокоить знакомых редакторов не хотелось. Я решил, что сам справлюсь, и месяца через два работа была закончена.

Однажды в Союз композиторов по служебным делам зашла генеральный директор и главный редактор регионального Приволжского издательства «Детская книга» В. Г. Фатеева, которую я знаю ещё по газете «Заря молодёжи». У меня было какое-то совещание, а чтобы гостья не скучала, я дал ей рукопись брошюры и сказал:

— Взгляни, пожалуйста, может, что поправишь.

А когда все разошлись, Валентина заметила, дескать, хороший слог и написанное тянет на книгу. Я подумал, что она шутит, но у Валентины Григорьевны были свои аргументы, и продолжение того разговора теперь перед вами. Так пусть она же, как инициатор нашего проекта, вместо предисловия скажет и про данный опус.

Валентина Фатеева. Во всяком случае это не мемуары и не дань моде написать книгу. Общий тираж созданного Евгением Бикташевым и уже изданного — более 8 миллионов экземпляров. Чтобы удовлетворить самолюбие — вполне достаточно. Однако это и не пособие для любителей пикантных подробностей личной жизни прославленных звёзд, потому что Евгений Михайлович звез-

дой себя не считает. Но это и не дневник музыканта, возмнившего себя неординарной личностью.

Хотя, почему возмнившего? Если деревенский парень, не имеющий даже начального музыкального образования, в 19 лет сочинил песню, ставшую символом художественных передач областного радио, а в 20 лет создал национальный творческий коллектив, заявивший о себе уже с первых концертов... Или: в 22 года начал учиться играть на рояле, через 6 лет написал песню, вошедшую в первый цветной телефильм Советского Союза, а ещё через 3 года выпустил авторский сборник.

Только всё это состоялось вопреки многим противодействиям со стороны вечных чиновников, которые вместо того, чтобы это понять и поддержать начинающего композитора, слушали льстивых завистников да чинили ему преграды. Вот из-за таких бесконечных «светофоров» потеряны лучшие годы и лучшие песни.

А он скромный. Бывало, что стеснялся принять даже выгодные предложения. Звали же в столицу, и не раз, но он не соглашался... Хотя лучшие песни придумал и записал именно в Москве. Только ездил туда от силы на 2—3 дня (опять же проблемы с гостиницами). А если бы там жил?..

Конечно, и в регионе с трёхмиллионным населением, где уместились бы целые королевства, кипят нешуточные страсти. Это же почти государство со своей уникальной культурой, с местными фаворитами да изгоями. А коли в родном отечестве пророков нет, то и пробиться тутошнему художнику труднее, чем пришлому в столице.

Пора сказать и о том, что Евгений Бикташев сделал себя сам, причём «не благодаря», а «несмотря на...». И помогал ему в этом только Бог! Хотите верить, хотите нет, но, поняв ущербность своего положения, решил стать другим. Вот и весь секрет. И вообще, он абсолютно уверен в том, что любой человек может достичь поставленной цели.

Что же касается жанра, то перед нами автобиографическая повесть, где, ссылаясь на рецензии, зрительские отзывы и газетный материал прошлых лет, мы стремимся высветить время, о котором идёт речь, правдивость фактов и обязательно искренность нашего автора.

...Прошёл ровно год. Книга Евгения Бикташева «Саратовский вальс» вызвала внимание читателей, записала в свой актив яркую презентацию, быстро закончилась, и вот уже второе издание. Думаю, что есть смысл привести некоторые отзывы самых первых читателей.

Галина Демченко: *«В зените творческой славы» (Ежемесячный дайджест культуры «Рампа» за январь 2005 г.): «Книга очень интересна и просто как литературный текст. Это превосходные мемуары, написанные блестящим слогом и захватывающие всякого рода сюжетными поворотами. Эта книга, читая которую, обретаешь для себя пример того, как нужно строить, моделировать свою жизненную судьбу. Она излучает удивительную человеческую доброту, ведь для каждого, кто упоминается там (а это сотни людей), Евгений Михайлович находит доброе, проникновенное слово».*

Виктор Сторчак, заместитель главного редактора газеты «Саратовские вести»: *«Саратовский вальс» — это книга о поиске своего «я», своего предназначения в жизни. Каждодневно делом доказывать себе и другим, что твой выбор правилен, а цель достижима. В книге эта линия — главная. Авторские ремарки по сему поводу звучат всегда к месту, создавая своего рода смысловой магнетизм между автором и читателем».*

Лилия Кивалова, музыковед: *«Необычное сочетание авторского текста, комментариев в виде рецензий, отзывов и вопросов журналиста драматургически избавило книгу от монотонности присутствия единственного персонажа. Мемуары читаются на одном дыхании, вовлекают в событийный ряд, заставляют восхищаться и удивляться, негодовать и радоваться вместе с автором».*

Валентина Жукова, директор Централизованной библиотечной системы города Саратова: *«Эта книга бесценна тем, что она представляет собой настоящий памятник нашей эпохе, культурной жизни Саратова и области. Всё повествование пронизано добротой, любовью к человеку — чувствами, в которых мы так нуждаемся! Кроме того, книга эта так же мелодична, как сами песни Бикташева. Она не читается, а льётся, напоминая образ чистейшего родника. И за это нужно низко поклониться автору».*

Михаил Светлов, директор академического театра драмы имени И. А. Слонова: *«Когда сегодня слушаю радио, смотрю телевизор, листаю прессу — ловлю себя на мысли: говорят и пишут люди, плохо владеющие русским языком. А ведь не так давно радио и телевидение были для нас образцом в этом отношении. Соприкоснувшись с книгой Евгения Бикташева «Саратовский вальс», я поразился грамотности и лёгкости её языка».*

Лейла Бочкова, радиожурналист: *«Я прочитала книгу трижды. Она уникальна не только потому, что в ней талантливо описана жизнь, творчество. В ней есть и ноты. Поэтому, когда читаешь книгу, песни автора как бы звучат для тебя, тем более что они на слуху. Часто повторяется слово «дружба». Автор стремится объединить людей, чтобы в мире были счастье и радость, и в этом отношении книга также представляет исключительный интерес».*

Валентина Фатеева. *Эта книга в полном смысле слова полифонична. Её соавторами являемся и мы с Ниной Калашниковой — заслуженной артисткой России — спутницей жизни композитора и замечательной исполнительницей его песен.*

Остаётся добавить, что решением комиссии по подведению итогов ежегодного областного конкурса «Лучшие книги 2004 года» в номинации «Художественная литература» лучшей книгой года стал и «Саратовский вальс». Такая оценка, конечно, радует.

Нина Калашникова. *Но что уже совсем удивило, так это мнение легенды российской поэзии Риммы Казаковой, которую до сего времени мы знали только заочно, то есть по её великолепным стихам.*

И вдруг она позвонила Жене на работу, сказала, что кто-то «подсунул» ей книгу «Саратовский вальс», а, взяв её полистать на сон грядущий, не могла оторваться от чтения до самого утра.

Через неделю Римма Фёдоровна позвонила снова, но уже как Первый Секретарь Союза писателей Москвы, и предложила Евгению Михайловичу вступить в эту творческую организацию.

...Давайте, наконец, предоставим слово «новому московскому писателю», автору «Саратовского вальса», а то, чего доброго, зазнается...

...Самое светлое в моей жизни — это мои родители! Они были на редкость замечательными людьми, и все, кто их знал, вспоминают о них только с благодарностью. Жаль, что ни папы, ни мамы уже нет.

Они никогда не учились в школе, но были настолько мудры, предупредительны, воспитанны и скромны, что многим обладателям дипломов о высшем образовании было бы чему поучиться у моих родителей. Всё, что удалось у них перенять, помогает мне и сегодня.

Кстати, о скромности папы и мамы. Забегая наперёд, могу рассказать историю, поверить в которую почти невозможно. В 1979—1980 годах график наших гастролей был особенно плотным. Далёкие друг от друга города оказывались в маршрутных планах совсем рядом: Псков, Хабаровск, Краснодар, Ленинград, Южно-Сахалинск, Москва, Челябинск и т. д. Периодичность встреч в родительском доме стала постепенно нарушаться. Мама жаловалась на сердце, папа держался молодцом, хотя человеку с одной ногой это давалось непросто.

Находясь за тысячи километров от родных мест, я часто ловил себя на сильнейшем желании позвонить родителям, но телефона у них не было. От дома, где они жили, до ближайшей телефонной линии шагов 300, не больше, а проблема возникла. В один из моих приездов домой руководство района пообещало помочь, и уже в следующий раз я увидел новые столбы. На мой лукавый вопрос, зачем они, папа ответил: «Наверно, для электричества». Я понял, что о телефоне он не догадывается, и сюрприз раскрывать не стал.

И вот я снова в родительском доме. Но папа и мама говорят со мной сквозь зубы, на мои вопросы отвечают нехотя, меня ни о чём не спрашивают. Чувствую неладное. Напряжённо поужинал, а точнее, заставил себя проглотить всё, что было предложено, и, поддавшись окружающему дискомфорту, тоже сник... Жду, что будет...

Вот тут всё и началось. Мне было высказано столько, да таких обидных слов, каких я никогда и не слышал:

— Прости, сынок, но ты, оказывается, бессовестный. Ишь, как избаловался. Зазнался, наверно. Опозорил нас перед соседями... У них тоже нет телефонов,

а мы чем лучше? Вон, директор маслозавода Лёвушкин и тот без телефона!... Мы твоих монтеров даже на порог не пустили. Завтра же извинись перед райкомом и больше никогда так не делай. Нас всегда уважали, а теперь будут пальцем показывать за твоё нахальство.

Никакие аргументы про их болезни, про мои гастроли и естественное сыновнее желание услышать родные голоса за тысячи вёрст не прошли. Скромность моих родителей осталась непоколебимой!

В отличие от иных профессиональных педагогов, идеологов и т. д., воспитывать детей они, пожалуй, умели. Я не знаю, как это достигалось, применялась ли какая-нибудь методика (возможно, знакомая только им), но я ни разу в жизни не играл в карты, не курил и никогда не хотел этого.

Однажды к нам приехали долгожданные родственники. Стремясь уговорить их пожить у нас как можно дольше, я начал с вопроса:

— А когда вы уедете?

Они-то уехали, но родительский урок запомнился мне настолько, что я и теперь стыжусь за иных работников гостиниц, которые с утра и до вечера при каждой встрече со своими гостями задают один и тот же вопрос:

— А вы не уезжаете?

Мои родители были очень трудолюбивыми людьми, я бы сказал — трудоголиками. Например, папа работал почти до 80 лет. За всю жизнь он ни разу не был в отпуске и не знал, что такое выходной день.

Наша довольно большая и дружная семья (бабушка, мама, папа, три сестры, я и младший брат) напоминала пчелиный улей, где всё было чётко распределено, каждый знал своё дело, но взаимопомощь поощрялась.

У меня тоже были обязанности: летом одни, зимой другие. Я помогал сажать картошку, поливать помидоры, убирать урожай, делать «кизы» (или «кизяки»), копнить сено, скирдовать солому, кормить домашних животных и ухаживать за ними. Я любил взбивать (или пахтать) сливочное масло, следить за вареньем из китайки, смородины, вишни и тёрна, чтобы не убежало через край, безо всякого напоминания ходил в магазин.

Но встречать по вечерам скотину (так называли корову, овец и коз, вместе взятых) я не любил и воспринимал это как наказание, дескать, «не хочу быть пастухом!». Однажды моё «не хочу» услышала наша соседка тётя Феня. Она подошла ко мне, улыбнулась и как-то тепло, но повелительно сказала:

— Жень, ну чо ты гундишь?

И я спокойно пошёл на другой конец деревни встречать нашу живность.

Откровенно говоря, это «не хочу» было вызвано моим плохим зрением. Мне казалось, что все коровы «на одно лицо», и я был вынужден обращаться к кому-нибудь из сельчан с вопросом:

— Эта корова наша или нет?

Если называли фамилию других хозяев, я продолжал искать свою, если же корова оказывалась действительно нашей, то я стыдился, что не узнал, но радовался окончанию похода, гнал Милку домой и привязывал. Это было несложно: накинул на рога хомутик, и всё.

В один очень жаркий день вся деревня только и говорила:

— Бедная скотина, как ей тяжело, того и гляди, загнётся...

Вечером, привязывая нашу корову, я обнаружил, что хомутик надевался труднее, чем всегда, и рога у Милки немножко загнулись. Я сказал про это взрослым, но они промолчали. А когда бабушка села доить корову, то оказалось, что... ну, в общем, это была совсем не Милка, а чей-то чужой бык.

В козах и овцах я вообще не разбирался, и получалось, что не я их гнал домой, а они вели меня куда надо. Но если на их пути возникало препятствие, то шархались в разные стороны, да так, что и не соберёшь.

Между прочим, в те годы за карман семечек, украденных с колхозного поля, можно было заслужить, мягко говоря, неадекватное наказание. В Галахове жил участковый милиционер, и некоторые сельчане его побаивались.

И вот однажды гоню я своих овец с козами, а на дороге — его телега. Мои «подопечные» — врассыпную. Я рассердился и говорю:

— Во! Даже овцы тебя боятся!

После этого случая он ещё долго спрашивал:

— Женя, а кто меня боится, кроме овец?

А ещё у меня была обязанность ходить с кем-нибудь из сестёр на сепаратор. Я носил молоко, так как был физически сильным мальчиком, и сопровождал сестёр, которых после заката солнца никуда одних не пускали. Не потому, что кого-то боялись. Просто девочек в нашей семье воспитывали очень строго... А безопасности сельских жителей тогда ничто не угрожало. Деревенские дома почти не запирались. Прутик в щеколде означал, что хозяйева отсутствуют.

В послевоенные годы на целое село мог оказаться всего один сепаратор. Подоив корову, женщина (если в доме нет помощников) должна была с ведром молока пройти целый километр, да ещё постоять пару часов в очереди. Сепаратор пользовался большим спросом и как дискуссионный клуб, участники которого были в курсе всех новостей. И не случайно, отправляя нас на это мероприятие, мама всегда говорила:

— Займите очередь. Отдайте магарыч (это один литр молока за «аренду» агрегата) — и на воздух! А слушать разговоры взрослых вам незачем.

Эта скучная и снотворная процедура заканчивалась почти ночью, а поручалась нам потому, что взрослые вставали до восхода солнца. Кстати, меня тоже будили, чтобы напоить парным молоком. Конечно, слово «будили» вряд ли здесь подходит. Я пил это молоко с большим удовольствием, практически даже не просыпаясь. Уже во взрослой жизни я слышал такое умозаключение: «Приученный к молоку да не привыкнет к водке!» А вдруг это истина, о которой знали и мои родители? Я впервые попробовал водку в 37 лет, но никакого удовольствия не получил. Могу позволить себе лёгкие вина. Крепкие же до сих пор не люблю, а эту сорокоградусную особенно.

Но вернёмся в «безводочное» детство. За поход на сепаратор полагалось спать, сколько душе угодно. Можно было не вставать и на завтрак, хотя в нашем доме завтракали, обедали и ужинали в одно и то же время, причём все вместе, а если кто-нибудь опаздывал — обяза-

тельно ждали. У нас всегда был хороший чай. По этому поводу соседи сначала подшучивали: дескать, на улице жара, а Бикташевы чай пьют, но потом тоже втянулись.

Мои родители были по жизни мудрыми людьми. Их звали только по имени и отчеству, очень уважали, с ними советовались и стар и млад, даже учителя. Добрые напутствия давались, конечно, и нам, детям. Например, родители говорили: если человек с тобой поздоровался, ты ответь ему не только приветствием, спроси о здоровье и обязательно помоги, чем можешь. На сделанное добро ответь много раз. Того, кто тебя обидел — прости. Зла не помни и зря не ссорься. Твои враги — это результат твоих ошибок. На вражду отвечай только добром, а если враг, не дай Бог, и появится, постарайся сделать его своим другом.

Однако мне внушали не только вежливость, но и навыки, обязательные для любого сельского мужика. У нас была очень красивая лошадь, и папа добивался того, чтобы я, как старший сын, научился запрягать её в телегу. Я любил эту рыжую умницу, с удовольствием её расчёсывал, угощал холодной водой и сочной травой, скакал на ней галопом, зажмурив глаза и держась только за гриву, а надевать на неё хомут мне было жалко... Запрягать лошадь я так и не научился, на что папа обижался и говорил:

— Ну, ты, профе-е-е-ссор...

Мой дедушка по линии папы батрачил на помещика. Его жена рано ушла из жизни, детей воспитывала мачеха, но папа вспоминал о ней с такой теплотой, как, может быть, не всегда говорят и о родной матери. Дедушка по линии мамы, несмотря на своё сельское происхождение, был человеком очень образованным, знал несколько языков, говорят, писал хорошие стихи (они, конечно, не сохранились). Он погиб в первую мировую войну, а его жена, то есть моя бабушка, осталась вдовой с четырьмя детьми, которых растила одна, безо всякой помощи.

Родина папы и мамы — большое село Усть-Уза в Шемышейском районе Пензенской области. Это село было таким огромным, что, когда в 1930-е годы людей «загоняли» в колхозы, здешних жителей это почти не коснулось. Там было несколько тысяч дворов. Усть-

Уза большая и сегодня, но, как говорят старожилы, от прежней осталась только маленькая часть.

В тяжёлые годы, чтобы как-то выжить, люди покидали родные края и разъезжались в разные стороны. Мои родители с бабушкой по линии мамы и старший брат папы с семьёй, ещё будучи молодыми, тоже решили уехать куда глаза глядят. Так они оказались в селе Галахово Екатеринбургского района Саратовской области, где я и родился.

Вообще-то, Галахово отличалось тем, что состояло из нескольких сёл и деревушек, находящихся друг от друга в 300—500 метрах. В Галахове жили русские, чуваша, мордва, в Киево-Николаевке — украинцы. Наша семья поселилась в маленькой Свищёвке, где было 29 домов под соломенными крышами. Когда мои родители уезжали из Усть-Узы, то по-русски не знали ни слова. Русским, ранее не общавшимся с татарами, тоже нелегко было произнести, а тем более запомнить непривычные имена. Это порождало небольшие сложности, но языковой барьер постепенно стирался, и некоторые сельчане стали общаться друг с другом уже на родном языке собеседника, подчёркивая уважение к человеку и его национальности. Такая вот была дипломатия!

Что же касается мальчишек, то издёвки над моим слабым зрением и тумачи за проделки Чингисхана всё-таки случались. О том, что древние китайцы татарами называли монголов, никто в нашем селе не знал, и отвечать за их нашествие иногда приходилось мне.

С тех пор все помирились, подружились, породнились, а над акцентом смеются и те, и другие. Несколько лет назад в той же Пензенской области мне подарили конверт с таким адресом: «Шемышиескы район Шемышиескы сяла Райкэ татаркэ салдаткэ живут укэл магилкэ рабутэит склат пиридать прям на рукэ». Не верится, но до адресата письмо дошло.

Как-то во время концерта мне прислали такую записку: «Были на Сабантуе, и там выступал Аделша Бикташев. Мы даже не знали, что у Вас есть брат, и он, оказывается, тоже композитор».

А дело вот в чём. Моего папу звали Махмут Абубекович. Но в селе Галахово он превратился в Мишу.

Выговорить «Михаил Абубекерович» тоже не у всех получалось, и папа стал Михаилом Абрамовичем. С его братом было ещё интереснее. Родители называли его Муса, то есть Муса Абубекерович, а уже в Галахове он стал Моисеем Абрамовичем.

Лучшим другом моего отца был Михаил Аронович Глозман. Несмотря на пугающую многих должность районного прокурора, этот человек отличался какой-то особенной добротой, рассказывал умные истории, смешные анекдоты и любил хорошие песни.

Высокообразованный еврей Михаил Аронович и малограмотный татарин Михаил Абрамович не могли наговориться. Между ними была сильнейшая духовная связь. Они дружили всю жизнь, но никакими просьбами друг друга никогда не обременяли. Встречались больше всего летом. И первым делом — на речку. К их возвращению на столе появлялись беляши, катлама, окрошка, яичница. Но водки никогда не было...

Многие не могли правильно произнести и моё имя — Аделша. Сначала сельчане хотели звать меня Александром (оставляя, как обычно, первую букву имени), но, поскольку мою сестру нарекли именем Саня, а подруги звали её Сашей, то есть Александрой, я как-то постепенно стал Женей. Родители не обращали на это внимания, а имя Евгений появилось в школьных ведомостях и журналах. В свидетельстве о семилетнем образовании, в аттестате зрелости и в паспорте записано: «Бикташев Евгений Михайлович». Так что для всех я Евгений Михайлович, а для родственников — Аделша Махмутович. Некоторые из друзей нарочно ставят в моём отчестве ударение на «о», и получается как бы фамилия Махмуто́вич. В таких случаях я поправляю их и в шутку говорю, что моё полное имя — Генрих Моисеевич Бикштейн. Если я вас ещё не совсем запутал, то скажу, что на Сабантуе, о котором была записка, выступал именно я.

Между прочим, часто спрашивают, как переводится моё имя. Я думаю, что имена не переводятся, а что-то означают: Аделша — справедливый, Бикташ (или биекташ) — твёрдый либо высокий камень, а Евгений, как

известно, благородный. В итоге получается: справедливый, твёрдый (каменный), благородный.

Одна женщина, узнав моё имя, данное родителями, даже разочаровалась:

— Я-то думала, что вы и правда Евгений Бикташев, а вы, оказывается, какой-то Аделша. Фамилия русская (?), а имя — не поймёшь и какое...

— Так уж случилось, — отвечаю удивлённой даме. — Но не один я такой, «грешный». Вот Леонид Утёсов в прошлом — Лазарь Вайсбейн, Ирина Аллегрова — Инесса Климчук, Александр Шуров — Лившиц, Клара Новикова — Герцер, Альберт Писаренко — Рабинович, Михаил Звездинский — Дейнекин, Александр Малинин — Выгузов, Алла Пугачёва — Певзнер, Наташа Королёва — Порывай, Марк Бернес — Нейман... И так далее.

— Не может быть! — Ещё больше удивилась моя собеседница, да так и замерла, не сказав больше ни слова.

Разъехавшись по всему миру в поисках лучшей доли, татары оказались вдали от своей культуры, от любимых мелодий и повседневной речи. Национальные обычаи соблюдаются и на чужбине, но родные слова, увы, всё-таки забываются.

Язык страны проживания многие знают лучше, чем свой. И не случайно, даже поволжских татар называют мишарами, то есть говорящими на нелитературном татарском, а на смешанном. Я написал об этом песню и не думал, что она сможет кого-то довести до слёз. Даже мужчин! В этом, конечно, сильнейший зов родной крови и преданность своей нации. К сожалению, мой же русский перевод оказался слабее, а вот оригинал, наверное, получился.

Не спеша, с большим чувством

Чит жир_дэ, чит ил _дэ Ни тап_тым, ни от_

_тым? Эт_кэй_эн _кэй те _лен о_ныт_тым, о_ныт_

_тым! 2. Эткэй// _лен о_ныт_тым, о_ныт_тым!

Чит жирдэ, чит илдэ
Ни таптым, ни оттым?
Эткэй-энкэй телен
Оныттым, оныттым!

Эткэй-энкэй теле
Ник син шундый тэмле?!
Ник мин шундый кире?!
Ник мин белмим сине?!

Ник шулай борылган
Тормышым минеке?
Урталай ярылган —
Исемем дэ ике.

Беренче исемем —
Эткэй-энкэй кушкан.
Икенче исемем —
Урамда ябышкан.

Чит жирдэ, чит илдэ
Ни таптым, ни оттым?
Эткэй-энкэй телен
Онныттым, оныттым!

Не скитаться бы мне
На чужой стороне,
А родимую речь
Незабвенно беречь.

Мой любимый язык
Тот, к чему так привык,
Хоть и слаще, чем мёд,
На чужбине умрёт...

Разломилась судьба
У чужого столба:
На два имени вдруг
Так и кличут вокруг.

Имя первое мне
Мать дала по весне,
А второе уж тут
Прицепилось, как спрут.

Не скитаться бы мне
На чужой стороне,
А родимую речь
Незабвенно беречь.

И опять я зову вас в моё незабываемое детство, в село Галахово, а точнее, в деревню Свищёвка, где вокруг нашего дома был роскошный фруктовый сад. Буквально в 20 метрах протекала красивая речушка Белгаза, по берегам которой росли высокие вётлы, а их вершины, почти смыкаясь, образовывали чудный тоннель, густые тени которого манили поплавать на вёсельной лодке-плоскодонке, особенно в жаркий день или тёплым недождливым вечером, хотя плавать можно было и ночью, «если не боишься русалок». А по утрам мы умывались прямо в речке и купались, сколько хотели.

Конечно, я не мог даже представить, что ровно через 50 лет, в такой же июльский день, перед концертом в Екатериновском районном Доме культуры ко мне подойдёт местный поэт Владимир Суетин и подарит газету с его стихотворением «Галахово». Вот оно.

Ни с чем не сравнима родная сторонка.
Пронзительно смотрят озёра в глаза,
А с неба доносится трель жаворонка,
И тихо струится река Белгаза.

Снегов и черёмух закружат метели,
А летом засушит степная жара.

Здесь детство и юность давно пролетели,
Но, кажется, было всё это вчера.

Родная сторонка, Галахово наше,
Здесь рядом, за речкой, родился и жил,
Здесь в школе учился Евгений Бикташев
И первые песни когда-то сложил.

Поёт его песни родная сторонка,
Саратов, Поволжье, Россия, Москва.

Пусть кто-то не знает, как звать жаворонка,
Но песня в народе навеки жива.

Великолепная природа и многонациональный фольклор были совсем рядом. Судите сами. Прекрасно пели бабушка, мама, папа и мои сёстры, а также многочисленные родственники, которые с большим удовольствием навещали нашу гостеприимную семью. У нас дома звучали татарские песни, а соседские девчата пели по-украински. В семье моего друга, через дом от нас, исполнялись чувашские песни, а из следующих дворов доносились мордовские и, конечно же, русские народные мелодии, которые как бы венчали всю эту разноцветную симфонию. Порой казалось, что в каждом доме идёт репетиция какого-то гигантского многонационального хора, от красоты и мощи которого хотелось взлететь к небесам для полного наслаждения таким поющим многоцветием. Всё это я впитывал с молодых ногтей. Иногда думается, что такая своеобразная полифония возникла не случайно и, надеюсь, не прошла бесследно. Услышанное в детстве, возможно, и помогло мне стать композитором. Я до сих пор с большим удовольствием собираю и обрабатываю песни народов Поволжья.

Может быть, такое обострённое восприятие было ещё и потому, что у меня с детства очень плохое зрение. Я потерял его в первый же день жизни по вине меди-

цинских работников. Мама и папа были небогатыми людьми, но с уготованной мне участью не смирились. Я перенёс много операций, которые сделала саратовский врач Ольга Александровна Гордеева. И чудо свершилось: я стал видеть. (Впоследствии был официально признан инвалидом второй группы, затем первой и снова второй. Всё это не говорит о хорошем зрении, но лучше слабое, чем никакого!) Итак, видеть я стал именно в Саратове! С тех пор навсегда полюбил этот город, постоянно к нему стремлюсь, дал себе клятву жить только в Саратове и никогда не изменять ему даже в мыслях.

...Однако до переезда в этот заветный город оставалось 10 лет. Ещё не были получены все «колы» и «двойки» по чистописанию, потому что я не видел, сколько чернил забиралось в перо, и вместо красивых букв получались целые моря, за которые мой первый школьный учитель Иван Михайлович Широков оставлял меня «без обеда». Он так и говорил:

— А вы, профессор, сегодня опять без обеда!

Ещё не были украдены мальчишками и 9 пар моих очков с линзами по 20 диоптрий, без которых я не мог читать даже самые крупные буквы, но привозились эти «волшебные глаза» только из Ленинграда.

А представляете, как трудно было рисовать в таких линзах, когда всё расплывается. Если честно, то я рисовал не больше чем на тройку. И только раз в жизни получилась четвёрка, но... В общем, надо было изобразить стекло, которое одевалось на керосиновую лампу. В нашей деревне его называли «пузырь». Я применил циркуль, и «пузырь» удался на славу. У меня был дружок Юра Лысаков, а его сестра работала завучем школы. Во время перемен оставаться в классе разрешалось только дежурному. Перед уроком рисования ко мне подходит Юра и говорит:

— Жень, я совсем забыл про пузырь... А ты всё равно тут дежуришь, нарисуй мне, а?..

— Да я же не умею.

— Ну, как сумеешь.

И я нарисовал. Пузырь вышел кособоким, но Юрке поставили 4, а мне, как всегда, 3...

Тогда в Ленинграде жил родной брат мамы дядя Костя и его жена тётя Надя, которые и присылали нам те самые злополучные очки (иногда по нескольку раз в год). Я знал, что дядя Костя и тётя Надя познакомились во время блокады. Они были добрейшими людьми, но у дяди Кости эта доброта каким-то образом уживалась со строгостью и редкой педантичностью. Например, он мог сказать тёте Наде:

— Открой форточку на 13 минут.

Как и мои родители, дядя Костя никогда не учился в школе. Он тоже самостоятельно освоил грамоту, и можно себе представить, до какой степени, если работал главным бухгалтером очень крупного НИИ всесоюзного значения, где под его началом было 35 финансовых служащих, многие из которых имели высшее образование.

В 1952-м году по настоянию дяди Кости мы с мамой приехали в Ленинград, чтобы показаться тамошним светилам-офтальмологам в надежде на ещё одну удачную операцию. Нас принял профессор (кажется, Остроумов). Он «критикнул» мою спасительницу О. А. Гордееву, сказав:

— Ох, сколько тут напахали!

Но операцию делать не стал, потому что «нет уверенности в лучшем исходе», правда, пообещал, что «зрение будет постепенно улучшаться». Это вселяло оптимизм, хотя только он и оправдывал все затраты.

Поездка в Ленинград оказалась для меня какой-то новой ступенью. Я каждый день общался с человеком, который много знал, правильно говорил (не «чаво», а «что», не «вядро», а «ведро») и т. д. Мне нравилось такое произношение, даже строгость и занятость дяди Кости. В их доме я впервые увидел телевизор, но тётя Надя сказала, что патефон они любят больше и слушают чаще.

Наши ленинградские родственники знали о моём увлечении музыкой, часто просили меня спеть, потом все вместе слушали патефон. А когда мы с мамой уезжали, дядя Костя вдруг сказал:

— Ты, Женя, запомни: лучше всех поёт Русланова!

Он подарил нам этот патефон и все пластинки, которые у них были, да ещё фильмоскоп с красивыми

диафильмами. Надо ли говорить, на каких крыльях я летел в родные края! Но едва мы успели приехать домой, как по деревне поползли слухи:

— Ты глянь, Бикташевы совсем разбогатели: то у них радио, то гармонь, а тут на тебе — ещё и патефон с блинами.

Но слухи жили недолго. Как-то одна из моих сестёр мыла пол, а коробки с пластинками убрала на печь и забыла о них. Ей ведь никто не говорил, что они боятся тепла, да об этом никто и не знал. Пластинки, умевшие «так хорошо петь» и «брать за душу», превратились в бесформенные куски пластмассы, напоминающие вар, с каким мы играли вместо пластилина, прятали в карман, а мама его потом вырезала. Пластинки пришлось выбросить. Все до одной. Мне казалось, что музыка умерла. Вечерние концерты на всю округу закончились. Я так расстроился, что долго не мог слушать ни радио, ни живых песен. Я просто не знал, куда себя деть. Не помогал и фильмоскоп, потому что пока кто-то, «хитрый какой!», смотрел, другие маялись в очереди.

В один из этих скучных дней мы с Колькой Легковским пошли в МТС (были такие машинно-тракторные станции по ремонту колхозной техники). На свалке металлолома мне понравилась «железяка», напоминающая двухлитровую молочную банку, только с дырками по бокам. Это был поршень от старого трактора. Я подумал: «А что если этот поршень поставить отверстием к керосиновой лампе, а в другое приспособить железную трубку с линзой, то диафильмы можно будет смотреть всем вместе».

Поршень мы взяли, Колька его отмыл, я сделал всё остальное, и в этот же вечер «Дядя Стёпа» предстал перед нами во весь рост, насколько позволяла новая простыня.

Вскоре после того случая папа получил какую-то премию или отпускные, и у нас появился, правда небольшой, зато новый собственный сепаратор. «Снотворные прогулки» для меня и моих сестёр закончились. Ближайшие соседи стали ходить к нам, но мои родители магарыч ни с кого не брали.

— Людское спасибо дороже всего! — говорили они соседям и нам, детям.

У меня появились первые кинозрители, которые выучили наизусть и «Сказку о царе Салтане», и «Синдбада-морехода», и «Асканию Нову» (опять же про каких-то быков). Я искренне радовался тому, что люди довольны. Они же, оказывается, удивлялись:

— Какие у нас соседи хорошие — магарычей не берут, да ещё и «кины» показывают!

Мог ли я предположить, что и через 15 лет буду заниматься почти тем же самым, что «кины» уже с моей музыкой станут неотъемлемой частью авторских концертов «Здравствуй, песня!», названных в прессе неординарными из-за использования фильмов, благодаря чему мне и моим исполнителям удавалось во время выступления петь не только со сцены, но и с экрана. Тысячи таких концертов прошли во многих городах России, включая Сахалин, черноморские здравницы, северные города и веси, а также милое сердцу Поволжье.

У меня до сих пор хранится около ста банок с чёрно-белыми и цветными роликами, где запечатлены многие известные исполнители, которые когда-либо снимались в кино или телефильмах с моими песнями. Если бы мой киноархив соединить в один фильм, то он продолжался бы 15-16 часов. Целый сериал!

На создание кинороликов я тратил почти все заработанные деньги. Плёнка, а цветная особенно, изнашивалась быстро, и, чтобы не лишиться «реквизита», я заказывал сразу по 10 копий. В 1970-е—1980-е годы это было настоящим богатством. Никто из известных мне композиторов не украшал авторские концерты своими песнями, которые звучали бы с огромного, во всю сцену, экрана. Эффект был впечатляющим.

Представьте себя на таком концерте. Я исполняю песню «Трубачи» на стихи В. Гришина, и по жесту, подчёркивающему окончание, киномеханик включает фильм, где песню «Трубачи» поёт уже Леонид Сметанников. Его сменяет Маргарита Суворова («Колёса, куда вы спешите?»), Зинаида Кириллова («Где поют соло-

вьи»), Николай Соловьёв («Спасибо, Волга»), Нина Калашникова («Подсолнушек»). Оставаясь на экране, певица исполняет тот же «Подсолнушек» уже со сцены, и получается, что она как бы выходит из экрана.

Вот несколько зрительских мнений об использовании в наших выступлениях таких фильмов.

«...Концерт не оставляет людей равнодушными... Интересен приём, когда песня буквально сходит с экрана в зал...» И. ТЕКТОНИДИ, музыковед, г. Москва.

«У вас всё здорово: музыка, экранизация, световое оформление, отличное исполнение. Мы очень рады, что у нас есть такие земляки». Коллектив бухгалтерии совхоза № 93 Саратовской области.

«Очень прекрасно! И удачно то, что ваше выступление сопровождается экранизацией. Большое спасибо за вашу скромность, что редко встретишь в заезжих артистах!» Т. П. СИДОРОВА, инженер ПТО строительно-монтажного поезда № 505.

«Музыка очаровывает и захватывает. Забываешь всё и участвуешь в ней. И оформление в фильме понравилось — раскрывает смысл песен». В. П. САЛОМАТОВА, художник-оформитель треста «Казахтрансстрой».

«Очень удачное сочетание вперемешку с известными исполнителями на экране». В. КОВАЛЁВА, г. Псков.

«Особенно понравились переходы с экрана на сцену. Вы нашли интересную форму!» И. А. ДРУЧИННИНА, студентка мединститута, Ю. М. ЛУКЬЯНЧУК, офицер, г. Ленинград.

«Очень хорошо, что своё выступление вы связали с кинокадрами». Л. В. ЕРМАКОВА, техучилище № 63, г. Балаково.

В связи с использованием киноэкрана, что выделяло наши выступления среди массы других, киномеханик становился пусть незримым, но полноправным участником концерта. И пока мы не взяли в штат профессио-

нала, оперирующего долями секунды, смешные неожиданности происходили довольно часто.

В одном селе Калининского района Саратовской области директор Дома культуры перед началом концерта настойчиво допытывался:

— Зачем вам киномеханик?

Мы уже устали объяснять:

— Часть программы идёт на экране в исполнении известных артистов.

— А вы, значит, петь не будете?

— Мы тоже будем петь.

— Тогда зачем вам экран?

— Для эффекта неожиданности.

— Какой эффект? Висит он себе и висит. Да и киномеханика тут все знают как облупленного!

Так и не поняв, в чём дело, директор ДК вышел на сцену и объявил:

— Товарищи, не волнуйтесь. Все артисты приехали, но начинать пока не будем. Ждём киномеханика, который ушёл в баню. Он скоро отмоется, потом придёт и покажет фрагменты из жизни композитора Бикташева.

После таких слов мы решили обойтись без экрана, потому что никакого эффекта всё равно уже не получилось бы.

Или другой случай. Вопрос из зала работнику Дома культуры:

— Почему не начинают?

— Ждут киномеханика.

— А мы что, не люди?!

Диафильмы, показанные через найденный на свалке поршень от старого трактора и превращённый в самодельный фильмоскоп, стали кинороликами с моими песнями в исполнении известных артистов. На смену стационарным киноустановкам пришёл концертный телевизор с гораздо большими оперативными и художественными возможностями, но роль фильмов, благодаря которым наши замечательные артисты были со мной и в столице, и в деревне, а также зрительскую поддержку этой идеи,— не забыть и не переоценить.

Самое светлое в моей жизни — это мои родители.

Единственная фотография, где наша семья вместе. 1952 г.

Первая фотография родных братьев: мне 13 лет, а Толе (Чиганша) — 7. Фото 1952 г.

А это дядя Костя (Хосяен-абы), который жил в Ленинграде и снабжал меня очками.

Глава II

Галаховская школа была неполной средней. После окончания седьмого класса для дальнейшей учёбы мне предстояло переехать в райцентр Екатериновка, что в 30 километрах от нашего села, и жить там у кого-нибудь на квартире.

К тому времени моя старшая сестра, которую мы все считаем второй мамой и уважительно называем Гель-апа, вышла замуж, и они с мужем жили в посёлке Турки Балашовской области (было такое административно-территориальное образование. Балашовская область создавалась и упразднялась дважды.) Муж моей сестры Н. И. Альшин, или Чизни (так по-татарски зовут зятя сёстры и братья его жены), был исключительно добрым человеком. Несмотря на то, что они сами снимали квартиру и у них уже была маленькая Рашидочка, он предложил взять меня в их дом, чтобы я не оказался у чужих людей и продолжил своё образование. Вот такой был золотой человек! По случайному совпадению его звали тоже Михаил Абрамович (но это уже в вольном переводе на русский язык), хотя татары величали его Несрулла Ибрагимович. Он был для меня как второй отец, а их детей, Рашиду и Анвера, я люблю точно так же, как и свою единственную дочь Гюзаль. Обратите внимание, теперь имена не переводятся! Народ в своей массе поумнел и, видимо, стал понимать, что у человека должно быть одно имя. А выговаривают его или нет — это уже совсем другое дело.

В Турковской школе было по 6 восьмых, девятым и десятых классов. Однажды объявили конкурсный набор в хор. Собралось человек сто. Многие по принуждению, но были и желающие. Что же касается меня, то я очень хотел петь в хоре. Кстати, в той самой деревне Свищёвка, что возле села Галахово, радио бы-

ло только у нас дома, и я хорошо помню, как залезал под стол, объявлял себя Руслановой, потом Утёсовым или хором Пятницкого и повторял всё, что звучало в эфире. Помню, как играл на гармошке с четырьмя кнопками слева и десятью — справа. Я думаю, что со стороны моих родителей приобретение гармошки было проявлением житейской мудрости. Возможно, таким образом они решили приобщить меня к музыке: ведь другого пути просто не было, как, впрочем, и лишних денег. Война только закончилась, а тут ещё гармонь... Да и радио в глухой деревне... Нужно ли оно людям, которые работали по 20 часов в сутки и почти никогда это радио не слушали? Так что музыку я успел полюбить с детства и в хор пришёл не по принуждению.

Надо сказать, прослушивание построили не совсем педагогично в том смысле, что такая единовременная стадная проверка голосов не учитывала свойственную, особенно подросткам, стеснительность даже друг перед другом, не говоря уже об учителях, строгом директоре и пока ещё «чужих стенах» новой для большинства испытуемых школы. Некоторые стеснялись настолько, что не могли назвать даже свою фамилию, не то чтобы спеть. В большом школьном зале стояло нечто похожее на сундук, какой был у нас в деревне (моя бабушка называла его «ларь»). Я удивился тому, что из «сундука» доносятся непонятные звуки. Позже узнал, что это рояль. Конечно, он был жутко расстроен...

Итак, за роялем сидел музыкант, которого представили руководителем школьного хора. Впереди толпились конкурсанты, а по другую сторону — те, кто уже прослушался. Рядом с музыкантом сидели завучи и директор школы (очень строгая, но красивая и добрая женщина Елена Сергеевна Персикова). Все внимательно слушали. Наконец настала моя очередь. Не чувствуя собственных ног, наступая на чьи-то чужие и готовый стореть от смущения, я деловито потёр взмокшие ладони, ухватился за рояль, как будто его у меня отбирали, и занял оборону. Музыкант что-то сыграл, я что-то спел... И вдруг он говорит:

— У тебя, парень, ни слуху ни духу. Ты можешь идти.

И я ушёл. Как такое могло случиться, не знаю. У меня же был звонкий дискант. Кстати, и после детских «концертов из-под стола», когда я «пропагандировал» самых известных исполнителей того времени, став школьником, продолжал свою «вокальную деятельность» в нашем сарае, куда носил воду и сено корове, лошади, козам да овцам... По выходным дням я убирал за нашими домашними животными и пел во весь голос, совсем их не стесняясь, а они так внимательно слушали, что во время моего «сольного концерта» даже есть прекращали. Правда, в характеристиках, приложенных к Свидетельству о семилетнем образовании, моя любовь к музыке тоже не была замечена. Там писали про «склонность к сочинению стихов», что я «ударник учёбы, помогал отстающим», «неплохой общественник», «морально устойчив, партии Ленина предан, в школу ходил чистым». А про музыку — ни слова!

Хотя самая первая песня, наверное, уже была, и называлась она «Вот моя деревня». Заработав на уходе за домашними животными пару часов для катания на санках, я распевал подходящие к моменту строчки, а соседские ребята говорили:

— Что ты всё мурлыкаешь? Это же стихотворение, а не песня!

Мог ли я думать, что через 25 лет этот рядовой эпизод из моей сельской жизни попадёт в поле зрения маститого музыкального критика, который скажет: «Кто, например, в наше время осмелится обратиться к непритязательным стихам поэта-самоучки прошлого века И. Сурикова? А Бикташев пишет на его стихотворение «Вот моя деревня» удивительно простую искреннюю песенку».

Живо, игриво

Вот мо-я де-рев-ня, вот мой дом род-ной, вот ка-чуть я в сан-ках по го-

-ре кру-той. Вот свер-ну-лись сан-ки, и я на-бок-хлоп! Ку-ба-рем ка-

-чу-ся под го-ру, в суг-роб. // смех!

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой.
Вот свернулись санки,
И я набок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

А друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.
Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе — горе,
А ребятам — смех!

Между прочим, хочу заметить, что в книге собраны не только лучшие песни, но и те, что имеют отношение к описываемым событиям. Конечно, мелодия в сравнении с клавиром — это ущербный вариант, не говоря уже о партитуре. Если партитура, скажем, песни «Про индюшат и лягушат» занимает 330 нотных строк, а мелодия всего 5, то экономия бумаги очевидна. Вот такая проза и заставила меня сделать выбор в пользу мелодического изложения.

...Итак, на экзамене в хор я провалился и ушёл. Но всю дорогу от школы и до самого дома ревел белугой. А там спрашивают:

— Что случилось?

— В хор не приняли...

Представляете, как смеялись мои родственники? Даже лица закрывали, а я плакал.

Но с детских лет во мне был заложен принцип «добейся своего», и я решил организовать хор в нашем классе, где оказались деревенские ребята, имеющие неплохие голоса, но постеснявшиеся пойти на прослушивание. Воспользовавшись тем, что меня избрали секретарём комсомольской организации класса, я, так сказать, «злоупотребил служебным положением», и все запели.

Кстати, «служебным положением» я «злоупотреблял» неоднократно. Вокруг главного корпуса школы находилось ещё несколько небольших зданий, в одном из которых занимался и наш 8-й «Г». Представьте себе такой эпизод. Прошло два урока, начался третий, а преподавателя нет. Класс начинает слегка шуметь. Тогда я выхожу к доске и говорю:

— Завтра после уроков у нас комсомольское собрание. Давайте проведём его сейчас!

Все соглашаются, и никакого шума.

В это время, вспомнив, что «историк» заболел, директор школы мчится успокоить 8-й «Г»... Потом Елена Сергеевна, смеясь, рассказывала:

— Захожу в здание — тишина. Ну, думаю, разбежались по домам. Прислушиваюсь, а Женя собрание проводит!

С тех пор всякий раз, когда случались «окна», кто-то из ребят обязательно говорил:

— Жень, а давай собрание проведём... или какой-нибудь диспут!

Мы пели просто для себя, но, видимо, так громко, что нас услышали и в главном корпусе школы. Вскоре после этого меня позвали в школьный хор и зачислили в вокальный кружок, что было особенной гордостью. А тот самый музыкант, который сначала меня не принял, оказался на редкость очень приятным и поистине талантливым человеком. Его звали Валерий Алексеевич Проводин. В юные годы он «переиграл» руку, и с мечтой стать профессиональным пианистом пришлось расстаться. Он работал преподавателем физики, а хором руководил просто из-за любви к музыке. Это было его хобби. Однако буквально через год хор нашей школы стал лучшим в области, и Валерий Алексеевич предложил мне быть его помощником. Мы очень подружились, я часто ходил к нему домой играть на пианино. В. А. Проводин давал мне первые уроки музыки, а его жена Валентина Александровна, учительница русского языка и литературы, была строгим критиком моих по-мальчишески наивных стихов.

Закончив 9 классов, я создал из учеников нашей школы концертную группу. Мы «гастролировали» по

сёлам Турковского района безо всякого материального и технического обеспечения. Единственное, что у нас было, так это распоряжение за подписью второго секретаря райкома партии Г. И. Григорьева, который предлагал хозяйствам (то есть колхозам и совхозам): «...оказать содействие агитбригаде Турковской средней школы — руководитель тов. Бикташев Е. — в приобретении питания и обеспечьте средствами передвижения и помещениями для ночлега».

За три недели «гастролей» мы ни разу не возвращались домой. Трудно поверить в такую самостоятельность. Я вообще не представляю, как всех нас отпустили без сопровождения взрослых. Возможно, за поездкой они как-то и наблюдали, но рядом с нами никаких наставников не было. Переезжая из села в село на попутных грузовиках, мы дали 30 концертов, и, заметьте, никаких ЧП.

... Во время самой первой беседы на тему «быть или не быть этой книге», прочитав эпизод про школьные «гастроли», Валентина Фатеева вдруг спросила:

— Женя, скажи, а нет ли фотографий или газетных статей того времени?

— У меня сохранилась даже афиша: «Концерт учеников художественной самодеятельности», где вместо слова «участников» напечатано «учеников».

— Замечательно! — сказала Валентина и задала новый вопрос. — У тебя, наверно, много интересного материала?

— Много не много, но кое-какой архив имеется, — ответил я.

К этому времени в Союз пришла моя жена Нина и, услышав слова про домашний архив, заметила:

— Валентина Григорьевна, вы ему не верьте. Этот «кое-какой» архив по всей квартире, начиная с коридора и кончая гостиной, во всех шкафах, под столом и даже в туалете... Хотя там у нас фонотека Всесоюзного радио: оригиналы фондовых записей.

— И газеты есть? — заинтересовалась В. Г. Фатеева.

— А газеты у нас в папочках и по годам. Ещё со школьных времён. Лет за 45 или 50, не меньше.

— Нина Александровна, так это же прекрасно! Давайте мы вместе и поработаем,— обрадовалась Валентина, и Нина согласилась.

— Однако мы тебя перебили,— обращаясь ко мне, сказала Валентина Григорьевна, и я продолжаю своё повествование.

...Та летняя поездка по району научила нас не бояться сцены. А я настолько осмелел, что уже через несколько месяцев победил на областном смотре ВОС. Мне подарили часы, а тогда это было очень престижно.

Вдобавок ко всему родители купили мне красивый аккордеон, с которым я почти не расставался, но пианино любил сильнее. Жаль, что свидания с ним были редкими и короткими: ну что такое два часа в неделю? Зато в школе имелся рояль из красного дерева. Мы с Валерием Алексеевичем его капитально отремонтировали и настроили. Я стал приходить в школу за час до начала занятий и оставался до позднего вечера, а в воскресные дни играл по 10 часов.

Моя сестра и её муж серьёзно забеспокоились:

— Где ты пропадаешь? А может, ты влюбился? А как зовут твою девочку?

Но пропал я только за роялем, и никакой девочки у меня не было.

Однажды в школе ждали комиссию из областного отдела народного образования. Поздно вечером я, как всегда, сидел за роялем, а в соседнем классе выпускали стенгазету. Вдруг подходит ко мне Галя из параллельного класса (помню, что она хорошо рисовала) и говорит:

— Жень, ты скоро? А то все ушли. Ты же по нашей улице ходишь... А до моего дома два километра...

— А до моего три,— ответил я и закрыл рояль.

Иду я с этой... Галей, а навстречу — мужчина и женщина. Было темно, и я их не узнал, но они со мной поздоровались, причём очень вежливо... Как вы и догадались, это была моя сестра с мужем. Потом они долго посмеивались:

— Теперь мы знаем, на какой «рояле» ты играешь.

Между прочим, лет через 20 эта или другая, похожая на неё, история имела смешное продолжение. По-

сле первого же концерта в посёлке Турки с участием моей жены к нам подошла какая-то бабушка и выдала следующий текст:

— А я и говорю своей: какого мужика-то упустила. Чай, в одном классе учились.

О ком речь, я, конечно, не понял. Но всем было смешно.

...В десятом классе каждый уже знал, куда будет поступать. Я мечтал посвятить себя музыке, но без инструмента это немыслимо, и на вопрос, что собираюсь делать после окончания школы, отвечал:

— Копить деньги да покупать пианино.

И все понимали, что я не шучу.

Первый паспорт я получал вместе с одноклассниками. Жду своей очереди, и кто-то объявляет:

— Бикташев, зайдите к начальнику.

Захожу, а он и говорит:

— Женя, ты уж нас извини, тут ошибка вышла с днём твоего рождения. Вместо 30 мая получилось 30 июня... Зато моложе будешь. Ну, не портить же из-за этого государственный бланк...

Я согласился, а через 5 лет, когда срок этого паспорта закончился, похожая история повторилась. Опять стою в очереди, и опять мне сообщают:

— Зайдите к начальнику.

— Понимаете,— говорит он. — Тут было столько «майских»! Мы буквально «зашились» и вместо 30 июня написали вам 30 мая. Переделать или можно оставить?

— Оставьте, оставьте! — обрадовался я.

— Есть же сговорчивые люди,— заметил начальник.

Ни в посёлке Турки, ни по соседству музыкальных школ тогда не было. Турковская средняя школа оказалась в числе 500 школ РСФСР, где разрешили преподавать пение с 1-го по 10-й классы. Думаю, что этому способствовал и громкий успех нашего замечательного хора, о котором уже знали не только в области, но и за её пределами, даже в Москве.

А там в 1957-м году проходил VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Мне посчастливилось на

нём побывать, и об этом я мог рассказывать часами. У меня, сельского мальчишки, встреча с Москвой вызвала океан впечатлений, а фестиваль воспринимался как сказочное дополнение к легендарной столице, как грандиозная массовка, где я тоже участвовал.

Мой давний друг Геннадий Михайлович Кабардин, который в то время был секретарём Балашовского горкома комсомола, однажды позвонил мне и рассмеялся:

— Я до сих пор помню, как встречал тебя с фестиваля. Значки висели, по-моему, даже на брюках...

А в Москве я всё-таки заблудился. Знал дорогу от Большого театра, но где он? Мимо шли две юные подруги. Вот одна и говорит:

— Смотри, какой иностранец, из Индии, наверно.

Я сообразил, что надо делать, и, обращаясь к ним, нарочито весело закричал:

— Полсой театр! Полсой театр!

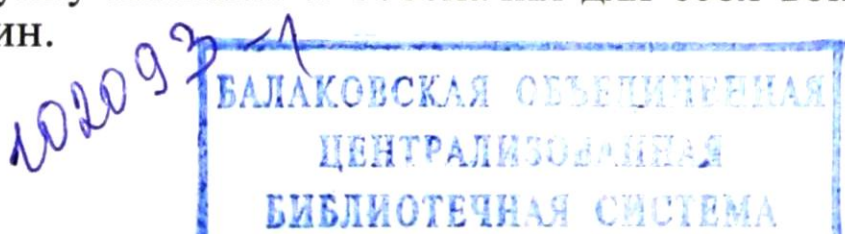
По дороге к театру они задавали мне наводящие вопросы: из какого города, чем занимаюсь и т. д., на что я отвечал татарскими фразами, вставляя в них имена героев из индийских фильмов, названия индийских же городов и нёс всякий бред, который слетал с языка, даже не приходя в голову. Увидев наконец искомое творение архитекторов Бове и Кавоса, я повторил в той же тональности:

— Полсой театр! Полсой театр! — и очень вежливо, а главное, на чистейшем русском языке сказал:

— Спасибо вам, девушки! Приезжайте к нам на Хопёр!

И как они меня не побили — сам удивляюсь! Но адрес попросили: не индийский, конечно, а турковский.

После возвращения с фестиваля, уже осенью, я стал учителем пения. Расставаться с одноклассниками, поступившими в вузы, было очень трудно, но остаться в Турках, по крайней мере ещё на год, я считал необходимым испытанием, на которое шёл вполне осознанно. Я мечтал стать композитором. Для этого нужно было в совершенстве овладеть фортепиано. Заниматься музыкой без собственного инструмента не имело смысла, и покупку пианино я обозначил для себя вопросом номер один.

Скучать было некогда. В родной школе я преподавал пение, в Доме пионеров вёл хор, а в Доме культуры отвечал за массовую работу. Я играл на молодёжных вечерах, пел в концертах. Тогда же появились и первые сочинения — «музыка собственного производства», как объявил моё авторство один самодеятельный конференсье.

Ещё с девятого класса я сотрудничал с балашовской областной газетой «Комсомолец», часто бывал в редакции, именно там познакомился с известными журналистами: Борисом Балашовым — редактором газеты, адрес которого шутки ради сокращали до двух слов (Балашов, Балашову), Михаилом Исхизовым, Петром Маркиным, Николаем Шабановым и другими. Помню прощальную стенгазету, выпущенную с их участием по случаю упразднения Балашовской области (это был ноябрь 1957 года). Заголовок во весь коридор: «Сопли и вопли», далее — «орган ликвидируемых журналистов» и передовица в стихах: «Я не знаю, где встретиться нам придётся с тобой. Область крутится, вертится, словно шар голубой... Снова станем юнкорами всех соседних газет...» Стенгазета изобиловала остроумием. Люди оставались без работы, казалось бы, им не до смеха, но все буквально хохотали. Я, кажется, впервые оценил роль настоящего юмора, стал сочинять не только стихи, но и сатирические куплеты, шуточные песни, ещё больше полюбил литературу, вырабатывал свой слог.

Встречи с этими прекрасными журналистами не прошли бесследно. Они научили меня писать сценарии телепередач, например, «Весёлый час», авторских концертных программ «Здравствуй, песня!», «Песня льётся над Саратовом», «Время и песня», «Венец Поволжья», проблемные статьи, такие, как «Таланты нужно воспитывать», «Песня дорогу найдёт», «Проблемы малой эстрады», «Авторы — композиторы Саратова». Да и многие тексты к своим песням я пишу сам.

Малоизвестный факт. В 1987-м году председатель Саратовской журналистской организации, редактор в то время главной областной газеты «Коммунист» Николай Иванович Шабанов предложил мне вступить в Союз

журналистов, но композиторская и гастрольная деятельность привлекали и занимали меня в наибольшей степени. «Литературное баловство» отошло на второй план, однако до сих пор помогает мне сочинять сценарии, деловые бумаги, рецензии, песенные тексты, многочисленные переводы либо письма к начальству в поддержку родных композиторов, артистов концертной организации «Поволжье» и других хороших людей. А членом Союза журналистов я стал уже после вступления в Союз композиторов.

...Но вернёмся в посёлок Турки, где в конце зимы у меня наконец появилось собственное пианино. Получив свободный доступ к инструменту только в 19 лет, а профессионального преподавателя — в 22 года, я понимал, что уже отстаю на целое поколение. И всё равно, по причине столь желанного приобретения, чувствовал себя победителем, потому что первая дверь в Страну Музыки была открыта. Сколько ещё дверей в этой музыкальной державе — я и не догадывался.

Правда, уже через несколько месяцев, во время знакомства с другими абитуриентами музыкального училища, я убедился, что никакая это не дверь, а крошечная щёлочка, через которую можно было только смотреть на Великую Музыкальную Империю. Моими новыми знакомыми оказались молодые люди из уважаемых семей, представляющих «богему», где живые фортепианные звуки вливались в их сознание вместе с молоком матери. И не случайно, узнав, что я потерял целый год только ради того, чтобы заработать на покупку пианино, одна из абитуриенток спросила:

— Неужели у вас не было даже рояля?!

Таким наивным вопросом мне ещё раз как бы дали понять, что деревенское происхождение и другие «минусы» были несовместимы с моей мечтой поселиться в Стране Музыки, а тем более стать её достойным и признанным гражданином. Аргумент несовместимости был очевиден. Но, вспомнив заложенный в меня принцип «добейся своего», я принял «нелогичное» решение и оставил этот аргумент на обочине дороги, которую выбрал раз и навсегда.

*Муж моей старшей сестры Н. И. Альшин был исключительно добрым человеком... предложил взять меня в их дом, чтобы я не оказался у чужих людей и продолжил образование.
Вот такой был золотой человек! 1954 г.*

Вдобавок ко всему родители купили мне красивый аккордеон, с которым я почти не расставался. 1955 г.

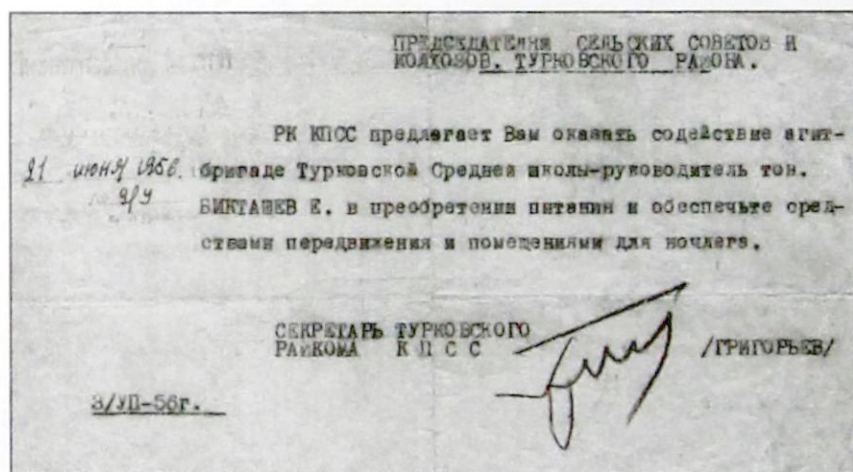
В школе имелся рояль из красного дерева... Я оставался до позднего вечера, а в воскресные дни играл по 10 часов. 1956 г.

Я так любил Валерия Алексеевича Проводина (он — в центре), что за год до окончания школы перевёлся в его класс. 1957 г.

У меня до сих пор сохранилась афиша: «Концерт учеников художественной самодеятельности» (вместо слова «участников» напечатано «учеников»). 1956 г.

...Единственное, что у нас было, так это распоряжение за подписью второго секретаря райкома партии Г. И. Григорьева.

Помните про «Полсой театр...»? Я спешил на эту встречу. 1957 г.

А это мы с В. А. Проводным, уже через 15 лет... 1972 г.

Глава III

И вот я в Саратове. Муж моей сестры Несрулла Ибрагимович, или просто Чизни, нанял грузовик, на котором перевезли все мои вещи, пианино и книги. Удивительно: 260 километров по плохой дороге, а инструмент почти не расстроился. Хорошая примета накануне сдачи документов.

Заветное музыкальное училище. Собеседование и консультация. За роялем композитор К. Л. Хмара. На удивление внимательный и добрый человек, он покорила меня с первых минут общения хотя бы тем, как подготовился к этому разговору. Наши документы находились в приёмной комиссии, и эта встреча, я повторяю, была первой, но Константин Леонидович обращался к каждому из нас по имени, как будто мы давно знакомы, и при этом ни разу не ошибся. Когда подошла моя очередь, он спросил:

— А вы, Женя, на какое отделение собираетесь поступать?

Он наверняка знал, а спрашивал об этом только потому, чтобы дать мне возможность ещё раз подумать. Но я чётко ответил:

— На композиторское, конечно!

Мне показалось, что Константин Леонидович поперхнулся. Дело в том, что такого отделения не было даже в консерватории, а уж в музучилище тем более. Хмара принялся меня отговаривать. По-доброму, насколько не унижая, по-отечески, что ли:

— У вас за плечами нет музыкальной школы. Стать композитором без основательной подготовки невозможно. Это немыслимо, ведь нужно хотя бы сочинять. У вас есть свои произведения?

— Конечно есть! — ответил я, чем немало удивил Константина Леонидовича. Но он скрыл свою реакцию

и, сделав вид, что я его убедил, с подчёркнутой лёгкостью сказал:

— Прекрасно. В таком случае я предлагаю продолжить наше знакомство после консультации.

И, обращаясь уже к присутствующим, добавил:

— Насколько мне известно, больше сочинителей среди вас нет. Все свободны, а с композитором из Турков, или из Турко́в, мы немного побеседуем.

Я сел за рояль и сыграл «Саратовский вальс».

— Для начала неплохо,— заметил Константин Леонидович. — Но песня никуда не годится: в ней используются откровенные (октавные) сочетания. Про такие сочинения придётся пока забыть...

А слова ничего. — И процитировал:

Цвети, мой Саратов, мой новый Саратов,
Рождённый зарёй Октября!

О том, что сыном «зари Октября» Саратов быть не может, я догадался позже, но в то время никто с этим не спорил. Кстати, менее чем через год «Саратовский вальс» прозвучал по телевидению в исполнении артистов областной филармонии. Я помню, как руководитель коллектива Александр Миронович Волгин объявил: «Музыка и слова БИКЕШЕВА» (вместо Бикташева).

«А на родине мою фамилию никто не искажал»,— подумал я, и так захотелось в деревню, тем более что мои родители купили небольшой домик в райцентре Екатериновка, и теперь я мог видеться с ними не раз в три месяца, а гораздо чаще.

Лет через пять домик уже утопал в саду, где я так любил спать, и всё напоминало маленькую деревушку из детства. Не хватало только речки, зато мама будила меня, как и тогда, на самой заре, чтобы напоить парным молоком, тёплый запах которого растворялся в аромате налившихся до медовой желтизны спелых августовских яблок. Таинственный шёпот листвы, похожий на мягкое шипение магнитной ленты, где ещё не записан ни день, который едва начинался, ни новая песня, был всего лишь фоном прозрачному пению птиц, обещающих подсказать заветную мелодию...

С переездом родителей на новое место жительства я стремился не только в Турки, но и в Екатериновку. И там и здесь меня считали земляком.

Есть такая замечательная книга «Саратовской губернии черты», в которой глава администрации Турковского района пишет: «Турки и Турковский район — родина многих известных людей. Это — (...) композитор Е. Бикташев (...)» А глава администрации Екатериновского района повествует: «Она (любовь к родной земле) ярко выражена в лирических песнях композитора Евгения Бикташева, чья судьба тоже связана с Екатериновским районом». Почётный знак Губернатора Саратовской области «За любовь к родной земле» я получил в качестве признания постоянной связи со всеми 38 районами нашего края. Но щемящее притяжение этих двух «малых родин», назвавших меня своим почётным гражданином, не сравнить ни с чем.

Однако начатый разговор о «Саратовском вальсе» я хочу продолжить. В 1963-м году он был напечатан отдельной листовкой под рубрикой «Разучиваем новую песню», потом в областной газете «Заря молодёжи».

В городском парке культуры и отдыха практиковалось массовое разучивание новых песен. Листовки с их текстами раздавали всем желающим, которые пели под аккомпанемент культработника или автора. Мой «Саратовский вальс» стал звучать чаще.

На городском конкурсе молодых талантов мне присудили первую премию и фотоаппарат. Но тогда в парке культуры возводились главные ворота, и все деньги ушли на их строительство. Фотоаппарат я не получил, а друзья ещё и подшучивали:

— Теперь эти ворота назовут твоим именем!

А как-то вечером я включаю «Последние известия», которые передавались по первой программе Всесоюзного радио, и слышу о том, что в Саратовском городском парке культуры и отдыха с большим успехом прошёл авторский концерт молодых композиторов Евгения Бикташева и Владимира Зуева (это мой сокурсник по музыкальному училищу, позже победитель нескольких песенных конкурсов, но, к сожалению, так и не став-

ший членом Союза композиторов). Далее в материале корреспондента Всесоюзного радио С. М. Шоммера говорилось о том, что особый успех выпал на песню «Саратовский вальс».

Телевидение в те годы ещё не было столь массовым, зато радио слушали все. Меня и Володю Зуева поздравляли даже незнакомые, а потом нас вызвали в местный Союз композиторов и строго спросили:

— Кто дал вам право называться композиторами? Что это за «Саратовский вальс»? Кто разрешил его к исполнению?!

Между прочим, за два года до этого областная газета «Заря молодёжи» от 29.11.61 г. опубликовала статью Е. Розена под заголовком «Областной смотр творчества молодых композиторов», где сказано: «...Очень тепло были встречены песни «Саратовский вальс» и «Ох, зачем?», автором слов и музыки которых является Евгений Бикташев». А ведь этот смотр проводила Саратовская организация!

Тем не менее всыпали нам так, что я обходил Союз композиторов ещё лет 8, а Зуев вообще уехал из Саратова. Вот такие «Последние известия». Кстати, Володя хотел, чтобы я тоже уехал в Москву, и ставил вопрос ребром:

— Если ты переедешь, мы вместе обязательно пробьёмся. Это же столица! А если боишься, то оставайся в этой дыре! Развлекай саратовских поклонниц, будешь «местным» композитором, но твоих песен никто и никогда не узнает.

...Коллективами самодеятельности «Саратовский вальс» исполнялся, но в официальных концертах, которые тогда готовились под эгидой обкома партии, не звучал. И я забыл про эту песню, как будто её и не было.

Лет через 15, когда мои поездки по стране превратились как бы в одну, продолжительностью 300 дней в году, а земляки шутили, дескать, Бикташев у нас проездом, вернувшись из очередной командировки, я услышал позывные местного телевидения. Это была мелодия песни «Саратовский вальс», но звучала она в ритме марша.

Оказалось, что звукорежиссёр В. Ю. Булыгин привёз из Москвы оркестровую фантазию на темы песен

о городах Волги, взял понравившийся фрагмент и сделал его музыкальным символом ежедневной информационной телепередачи «Земля саратовская».

Позже автор этой фантазии — один из артистов Большого эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и Центрального телевидения — рассказал мне о том, что, когда понадобилось такое сочинение, он подобрал в Ленинской библиотеке газеты с песнями о городах Поволжья и объединил в оркестровое произведение.

Никаких претензий у меня к нему, конечно, нет. Наоборот, я даже удивился, что среди обилия мелодий о городах Волги «Саратовский вальс» оказался востребованным и автором фантазии, и звукорежиссёром. О том, что это моя мелодия, Владислав Булыгин узнал уже после того, как она стала позывными, тоже удивился и заметил:

— А я чувствую, что-то родное!

Вскоре позывные сменились, и про «Саратовский вальс» я опять забыл.

Но в конце 80-х годов он напомнил о себе новой, и весьма приятной, неожиданностью. Когда стало известно о том, что авторский альбом-«гигант» с моими песнями, посвящённый 400-летию Саратова, должен состоять не из одной, а из двух грампластинок и в помощь фирме «Мелодия» надо было подключать Государственный Дом радиовещания и звукозаписи (ГДРЗ), я оказался в приёмной главного музыкального редактора Всесоюзного радио и Центрального телевидения Г. К. Черкасова. Его резолюция на письме облисполкома занимала полстраницы. Давным-давно сделав для себя вывод, что положительные резолюции короче отрицательных, я подумал: «Отказ!»

А прочитав написанное, понял, что вопрос решается положительно, только с пожеланием обязательно включить в список песен и «Саратовский вальс». Меня «свербил» единственный вопрос: откуда его знает Черкасов? Терзаясь неизвестностью, я оказался в его кабинете. Ответ, который прозвучал из уст Геннадия Константиновича, сводился к тому, что в молодые годы они с женой путешествовали по Волге на теплоходе, где

культурорганизатором был «неплохой баянист из Саратова». Он целыми днями пел этот вальс, да ещё и разучивал со всеми. В подтверждении сказанного невозможно строгий главный редактор, широко улыбаясь, напел точную мелодию почти забытой даже мною песни. Знать бы мне такое раньше, и её, возможно, пели бы не только в нашем городе.

...И снова «Саратовский вальс»! Я его забываю, а он опять возникает. Вспомнив текст, отредактированный 25 лет назад, я почувствовал, что краснею из-за его несовершенства. Новые стихи родились в считанные часы, буквально на одном дыхании.

В темпе быстрого вальса

А ме-сяц на не - бе всё вы-ше и вы - ше, с ог-
 -ня - ми сли-ва - ет - ся жёл - тый за -кат. Смот-ри-весь Са - ра -
 -тов на у-ли - цу вы - шел, на наш, на при - волж -
 -ский Ар-бат. Смот-ри-весь Са - ра - тов на у - ли - цу вы -
 -шел, на наш, на при - волж - ский Ар - бат.
 А // жизнь и те - бя!

**А месяц на небе всё выше и выше,
 С огнями сливается жёлтый закат.
 Смотри — весь Саратов на улицу вышел,
 На наш, на приволжский Арбат.**

**А ночью на Волге отрада такая,
 Там ветер играет с весёлой волной,
 И в час предрассветный огнями сверкает
 Саратов, мой город родной!**

**Заветное слово вчера ты сказала,
Теперь это слово, как песня, в судьбе,
Как звонкие скрипки концертного зала,
Как Волга, что манит к себе.**

**А вот уж и солнце, и город как новый,
Он кажется утром моложе вдвойне.
И клин журавлиный с горы Соколовой
Взлетел и парит в вышине.**

**Пусть всё это с нами останется вечно,
Но, в счастье ликуя и в горе скорбя,
Люблю я Саратов, люблю бесконечно,
Как Волгу, как жизнь и тебя!**

С этими словами песня была напечатана в главной областной газете «Коммунист» именно в день празднования 400-летия Саратова (тираж газеты составлял 232 тысячи экземпляров), а в концертном исполнении впервые прозвучала только в январе 1997 года по случаю инаугурации мэра города Юрия Николаевича Аксёненко. Зрительный зал оперного театра аплодировал громко и долго. Все говорили:

— Вот что значит написать ко времени!

Меня поздравляли с новой песней, мелодию которой я сочинил почти 40 лет назад, то есть в 1958-м году.

Но одна, в прошлом очень влиятельная сотрудница обкома партии, встретив меня в коридорах новой власти, выразила неудовольствие:

— Чем это тебе «рождённый зарёй Октября»-то не понравилось?

— А вы всё равно его никуда не пускали: ни с «зарёй Октября», ни без «зари»,— ответил я.

Теперь «Саратовский вальс» звучит в престижных концертах, на площадях и стадионах, где собираются тысячи людей, его исполнение сопровождается фейерверками, он отмечен Гран-при на конкурсе, посвящённом 200-летию губернии, является визитной карточкой нашего города и музыкальным символом художественных передач Областного радио.

...Всё это произошло через много лет. А пока я сижу в подвальной части здания консерватории, в одном из классов находившегося там музыкального училища, первый раз в жизни вижу настоящего композитора и показываю ему свою первую песню. Описанную выше историю про «Саратовский вальс» я ещё не знаю, и речь пока даже не о песне, а всего лишь о том, стоит ли вообще начинать?!

Во время нашей беседы с К. Л. Хмарой в класс вошёл директор музыкального училища В. С. Кузнецов. Они вместе учинили мне хорошую проверку, потом пошептались, и Василий Сергеевич сказал:

— По-моему, ты хороший парень. Поступай на отделение баяна!

— Но я хочу на композиторское.

— А композиторского у нас пока нет,— сказал директор.

— А на аккордеон можно?

— Аккордеон — это несерьёзно, и такого отделения в Саратовском музучилище тоже нет,— отрезал Василий Сергеевич.

Мне показалось, что лечу в пропасть. Не в силах превозмочь шок от сломавшейся вдруг мечты «выучиться на композитора», но подспудно желая остаться самим собой или от безысходности, я гордо заявил:

— А раз так, то поступать в ваше музыкальное училище я не буду!

— Ну и ну,— удивился Василий Сергеевич. — Я, можно сказать, зову его учиться, а он капризничает!

— Не хочу на баян,— продолжал я неуместную дискуссию, так и не поняв, что оказался в тупике, выход из которого был только на улицу.

Увидев, что я собираю ноты, К. Л. Хмара подошёл ко мне и сказал:

— Давайте ещё раз встретимся и потолкуем. Всё не так уж и плохо!

С Константином Леонидовичем мы встречались — и не однажды. О многом говорили, бывали на композиторских съездах... И вообще я считаю его своим главным учителем. Но всё это сложилось гораздо позже,

а не в первый год нашего знакомства, когда поступать в музыкальное училище я так и не стал.

Чего было больше в этой выходке: протеста, наивного ребячества, юношеского максимализма, зарождающейся принципиальности или желания понять себя, не знаю. Но я твёрдо решил создать какой-нибудь яркий художественный коллектив и ещё раз испытать себя на гражданство в Стране Музыки. Ситуация напоминала историю со школьным хором, но там была возможность плыть по течению узенького Хопра, да и то, если хочешь, а здесь — необходимость идти навстречу крутым волнам великой Волги, где можно запросто утонуть, да так, что никто и не заметит. Видно, маленькая надежда оказалась сильнее большого страха...

Вот уже месяц, как я в Саратове, и навещать меня приехала мама. Мы провели с ней прекрасный вечер, хорошо поговорили... 1958 г.

Глава IV

В то время ни с кем в Саратове я знаком не был, не знал даже улиц, мог ходить только по одним и тем же маршрутам. Однажды в какой-то очереди случайно заговорил со студентом пятого курса пединститута Мишей Арслановым (по-татарски его звали Максуд). Он был старше меня лет на пять, сразу понял, что я чем-то расстроен, и вдруг спросил:

— Что у тебя стряслось?

— Да вот, сваял дурака! — ответил я и почему-то рассказал про свою историю с музыкальным училищем.

— И что теперь будешь делать? — озадачил меня вопросом новый знакомый.

— Точно не знаю, но хочу создать что-то необычное... какой-нибудь большой хор, что ли...

— А давай, татарский ансамбль соберём! — предложил Миша Арсланов.

Тогда я не знал, что делать, и был готов собирать кого угодно, лишь бы найти себя в музыкальном творчестве. Мы с Михаилом стали ходить по домам: искали людей, которые могли бы участвовать в художественной самодеятельности — петь или танцевать. Так из дома в дом с лета и до конца осени мы обошли чуть ли не пол-Саратова. Действовали на деревенский лад, но артистов всё-таки набрали. Человек 70, не меньше. Но это, видимо, бросилось кому-то в глаза и не понравилось.

Был такой случай. Вот уже месяц, как я в Саратове, и навестить меня приехала мама. Мы провели с ней прекрасный вечер, хорошо поговорили... А утром она появляется в комнате, где я спал, и такая испуганная. Думаю: «Что случилось?» Следом за мамой входит милиционер и говорит:

— Вам повестка.

Меня вызывал к себе начальник Октябрьского райотдела милиции. Во время разговора он спросил:

— Что это вы по домам ходите? Кого там собираете?

У квартирной хозяйки тоже выясняли про мой образ жизни: «Кто он такой? Чем занимается, с кем водится?», и так далее. А Мишу Арсланова чуть даже из института не исключили. Но начатый «подворный обход» областного центра мы всё равно не прекратили. К страшилкам постепенно привыкли, а вскоре появилась и надежда на удачу.

В Саратовском горкоме партии нашлись люди, которые поняли нашу идею (например, Фёдор Фёдорович Ливанов из отдела пропаганды). К этому времени мы заручились поддержкой Татарского (г. Казань) обкома партии в лице инструктора, музыковеда Чулпан Накибовны Бахтияровой, а также министерства культуры Татарской АССР, и в декабре того же 1958 года в Саратове начал работать городской Татарский ансамбль песни и пляски «Сандугач» («Соловей»).

«Татарский ансамбль песни и пляски». (Саратовская областная газета «Коммунист» за 14.04.59 г.)
«В Саратове при клубе имени К. Либкнехта начал свою работу городской Татарский ансамбль песни и пляски, включающий в себя вокальный, хореографический и театральные коллективы.

От занятия к занятию число участников ансамбля увеличивается. В наш ансамбль приходят молодые рабочие и студенты — в прошлом активные участники художественной самодеятельности. Много у нас и новичков.

Более 50 участников ансамбля уже вступили во Всероссийское хоровое общество. Все кружковцы изучают нотную грамоту.

В настоящее время Татарский ансамбль песни и пляски готовит разнообразную концертную программу. Так, в исполнении хора и солистов, кроме песен советских (русских и татарских) авторов, саратовцы услышат такие популярные татарские народные песни, как «Сарман», «Аккош» («Лебедь»), «Галиябану», «Арча» и другие. Песни исполняются как на татарском, так и на русском языках.

Хореографическая группа ансамбля покажет 5 татарских танцев, среди которых «Апипя» и «Бишлявбию» исполняются с хором. Не отстаёт и театральная группа. Её участники заканчивают подготовку комедии Г. Камала «Беренче театр» («Впервые в театре»), в которой автор метко высмеивает невежество, реакционность татарского купечества. Готовятся и другие постановки.

Первый концерт городского Татарского ансамбля песни и пляски состоится в мае этого года». Е. БИКТАШЕВ, художественный руководитель ансамбля.

У меня было очень много работы: приходилось заниматься с хором и солистами, аккомпанировать на аккордеоне и рояле, быть аранжировщиком и отвечать за всю деятельность ансамбля в качестве его художественного и административного руководителя. Количество участников ансамбля в общей сложности доходило до ста человек. Автомобильного моста через Волгу ещё не было, из Энгельса в Саратов ездили поездом, что занимало пару часов, но самодеятельные артисты из бывшего Покровска воскресных репетиций ансамбля не пропускали.

И вот наконец 29 мая 1959 года состоялся наш первый концерт. Признаюсь честно, дату я выбрал не случайно, это было накануне моего 20-летия! Директор клуба железнодорожников имени К. Либкнехта, где мы занимались, Василий Игнатьевич Лосьев сделал так, что наших первых зрителей встречал духовой оркестр. Мы провели целый ряд концертов, на которые шли не только татары, но и русские. Люди приезжали из соседних районов, проявляли неподдельный интерес к этому новому коллективу и радовались вместе с нами. Это воспринималось как прекрасное во всех отношениях событие, а для меня лично явилось первым самостоятельным шагом в городе Саратове.

...Небольшой экскурс в самое начало этой книги. Помните о договорённости между Валентиной Фатеевой и моей женой Ниной поработать вместе?

Однажды мы встретились, и с этой минуты беседуем уже втроём. Я рассказываю, а Нина и Валя читают

архивные материалы, но тоже вслух, потому что всё пишется на плёнку. Таким образом, это повествование перестаёт быть монологом, а мои добрые помощницы становятся почти соавторами.

Н. К. А вот статья уже другого автора, выражающая мнение об ансамбле со стороны зрителей и участников.

«Первые шаги». (Саратовская областная газета «Коммунист» за 04.08.60 г.) «Более года назад в Саратове был создан самодеятельный музыкально-драматический коллектив для пропаганды татарской культуры и искусства. Татарское население Саратова с большим интересом и одобрением встретило это начинание.

В ансамбль пришли молодые рабочие и служащие, студенты, учащаяся молодёжь. Среди них участники художественной самодеятельности, а также люди, впервые решившие попробовать свои силы и способности в хоровом или в сольном пении, в хореографии или на театральных подмостках.

Поначалу не всё было гладко. Многие не верили в успех молодого коллектива, состав его претерпевал большие изменения.

Художественному совету с помощью активистов удалось сплотить участников ансамбля для решения художественных задач. Об этом свидетельствует тот успех, которым пользовались концерты ансамбля в клубе имени К. Либкнехта.

Нелишне отметить, что большинство татарских песен исполняется на татарском и русском языках. Популярны песни русских, советских и зарубежных композиторов поются в переводе на татарский язык. Значительная часть переводов осуществляется творческой группой во главе с художественным руководителем ансамбля Е. Бикташевым. Коллективом ансамбля создан и целый ряд оригинальных произведений песенно-танцевального жанра. Большой популярностью у саратовского зрителя пользуются лирические песни Е. Бикташева «Мадине» на слова Мусы Джалиля и «Я жду тебя». Последнюю

песню включил в свой репертуар народный артист ТАССР Р. Вагапов. Активная участница танцевальной группы Н. Хасянова ставит новый танец «Платочек», музыку к которому написал Е. Бикташев.

Весной этого года руководители ансамбля выезжали в творческую командировку в Казань и Уфу. Эта поездка принесла много пользы. Товарищи из Казани поделились своим богатым опытом, дали много ценных советов, помогли в приобретении необходимой литературы. Установлены крепкие творческие связи с композиторами А. Ключарёвым, Д. Файзи, М. Мозаффаровым, З. Хабибуллиным, с артистами Государственного ансамбля песни и танца Татарской АССР.

За короткое время существования ансамбля значительно выросли его люди, сложилось то ядро, которое сплачивает коллектив, определяет его творческое лицо. Главный бухгалтер УМТС треста № 1 «Саратовхимтяжстрой» Ф. Я. Комачков является одним из ведущих солистов, Эрик Салихов занятия в ансамбле сочетает с работой на заводе и учёбой в вечернем политехническом институте, певица Римма Багдалова ведёт большую общественную работу в артели «Картонажник». Можно отметить также активных участников ансамбля С. Абдрахимову, Р. Калимуллину, Г. Бикмурзаева, Ф. Давыдова, Ф. Багданова, Р. Забайдуллина и других.

Из лучших исполнителей ансамбля создана гастрольная группа. В ближайшие дни она выедет в районы области, где намечено дать не менее 75 концертов для тружеников колхозных и совхозных полей...» Ф. РАШИТОВ.

Наши концертные группы обслуживали население Саратовской области, а иногда и соседних регионов. Никаких границ и запретов для нас не существовало. Хотя о заездах в соседние области, куда нас настоятельно заманивали, мы не распространялись, но ансамбль знали везде. Нужно сказать, что никому из нас никто ничего не платил, всё делалось на общественных нача-

лах. За годы работы с ансамблем я не получил ни копейки. Правда, областной совет профсоюзов иногда выделял небольшие суммы, но это была не заработная плата, а целевые средства, на которые мы шили костюмы и гастролировали. Огромное спасибо руководителям Облсовпрофа за такую бескорыстную помощь.

В. Ф. Вот что значит любить своё дело! Денег не платили, а вы, несмотря ни на что, несли людям своё искусство. Вас знали и ждали в самых отдалённых уголках области. О вас писали и профессиональные журналисты. Хотя стиль публикаций того времени сегодня воспринимается по-иному, но суть от этого не меняется. Это наша история, где и вы оставили свой след.

«Соловей». (Саратовская областная газета «Коммунист» за 15.09.60 г.) «День клонился к вечеру. На улицах села Яковлевки стояла тишина. Но вот на околице появился грузовик, сопровождаемый ватагой ребятишек. Он подкатил к сельскому клубу. Из дома в дом полетела новость: «Сандугач приехал!»

«Сандугач» по-русски соловей. Так любовно называют жители сёл нашей области самодеятельный татарский ансамбль. Зрители не заставили себя ждать. Трудовой день окончен, и колхозники охотно собрались на концерт. В Яковлевке Базарно-Карабулакского района сотни дворов. Помещение клуба не могло вместить всех желающих посмотреть выступление ансамбля. Тогда артисты решили дать концерт прямо на улице, с грузовика...

Звучит напевная мелодия, затем следуют стремительная пляска, песни. Непосредственность артистов-любителей захватывает слушателей. Горячими аплодисментами награждают они Фарита Комачкова — исполнителя татарских народных и лирических песен, Евгения Бикташева и Светлану Губанову, спевших на татарском языке «Песню сердца» Мурадели, темпераментных танцоров Никяр Хасянову, Владимира Сафронова, баяниста Камилля Сермякова. Во многих татарских сёлах Дергачёвского, Петровского, Базарно-Карабулакского

районов побывал с концертами «Соловей», и всюду колхозники радушно встречали его.

Интересна история этого музыкального коллектива. Инициаторами его создания были комсомолец Евгений Бикташев и молодой педагог Михаил Арсланов. В Саратовском горкоме партии их инициативу поддержали. Так в железнодорожном клубе имени Карла Либкнехта появился любительский татарский эстрадный ансамбль...

Артисты — их сейчас четырнадцать в ансамбле — сами составляют репертуар. Песни русских композиторов перевели на татарский язык, и это послужило хорошей популяризацией русского музыкального искусства среди сельского татарского населения. Руководитель ансамбля Евгений Бикташев написал слова и музыку «Саратовского вальса», который с успехом исполняется.

На днях самодеятельный музыкальный коллектив возвратился в Саратов из поездки по сёлам области. У него большие планы на будущее — создать оркестр народных инструментов, продолжить изучение нотной грамоты, расширять свой репертуар. Над новым маршем юных пионеров работает, например, Евгений Бикташев. Он мечтает продолжить образование в музыкальном училище». С. ЛИХАЧЁВА.

Однажды я пришёл в горком комсомола с просьбой, чтобы кому-то поручили помогать нашему ансамблю профессионально расти. Заведующий отделом пропаганды Борис Ручкин предложил мне войти в комиссию по культуре и искусству, убедив, что, как члену такой комиссии, мне будет легче решать и вопросы, связанные с работой ансамбля. Потом эту комиссию учредили при обкоме комсомола, несколько позже я стал её председателем и оставался им на протяжении десяти лет. Работа в комиссии по культуре и искусству занимала всё моё свободное (и не только свободное) время. Достаточно сказать, что раньше, чем в час ночи, я не освобождался: мы ездили в командировки, готовили вопросы на бюро обкома, писали справки в ЦК комсомо-

ла, сочиняли сценарии различных праздников, изучали спрос на руководителей художественной самодеятельности, находили специалистов и комплектовали вакансии.

Надо сказать, что и комсомол отвечал взаимностью. Представляете, как я радовался, когда в результате стараний горкома мне была предоставлена отдельная комната в центре города! Всего лишь 9 квадратных метров, но пианино, письменный стол, диван, книги и ноты там вполне умещались, образуя достаточный набор для неуёмной деятельности. Я сочинял ежедневно по две-три песни... Секретари горкома комсомола Георгий Катушев, Юрий Кочетков, Константин Муренин и председатель Кировского райисполкома Владимир Малышкин понимали ситуацию, умели смотреть вперёд и создавали условия для творческой работы.

Тем временем в клубе железнодорожников имени К. Либкнехта начался капитальный ремонт. Татарский ансамбль песни и пляски перевели в Дом офицеров, руководители которого были против этого: говорили, что свободных комнат нет, и репетиции ансамбля отменялись. В конце концов, этот коллектив, точнее сказать, любимое детище, я передал профессиональным музыкантам из числа молодых преподавателей и студентов консерватории, но работать бесплатно они не хотели, а денег почему-то так и не нашлось... Артисты ансамбля создали десятка полтора счастливых семейных пар. Поэтому теперь про «Сандугач» знают даже их внуки. Выходит, что детей приносят не только аисты, но и «соловьи», или «сандугачи».

Если уж быть предельно откровенным, то я должен сказать, что городской Татарский ансамбль песни и пляски стал для меня поистине главной стартовой площадкой, своеобразной школой выживания, где я нашёл себя именно как музыкант.

Н. К. А я бы добавила — и как организатор, доказавший всем, что и простой сельский юноша, почти мальчишка, может стать «первым парнем» не только на деревне и одолеть то, чего ни до него, ни потом никому не удавалось! Уже через год об уникальном ансамбле и его создателе знала вся область. Не случайно Женя был зачислен на дирижёрско-хоровое отделение музыкального учили-

ща. И заметьте: приказ подписан не в июле, как обычно, а в марте, причём вступительных экзаменов он не сдавал.

Ансамбль как бы заставил меня изучить и в буквальном смысле впитать в себя татарскую народную и авторскую музыку, классическую и современную поэзию. Репертуара не хватало, поэтому я не только хотел, но и был вынужден сочинять собственные песни на стихи Г. Тукая, М. Джалиля и многих других любившихся мне поэтов. Без первых песен не было бы сонаты «Сон земли» для скрипки с фортепиано по мотивам поэзии Г. Тукая, а также сюит «Сабантуй» и «Поволжье» для солистов и хора с оркестром народных инструментов, как не было бы и многого другого.

Городской Татарский ансамбль песни и пляски научил меня целому ряду музыкальных, и не только музыкальных, профессий. Но самое главное, ансамбль укрепил мою любовь к искусству народов Поволжья и подготовил почву для создания государственной концертной организации «Поволжье», сделавшей пропаганду творчества народов этого уникального региона приоритетным направлением своей деятельности.

Возвращаясь в 1959-й год, когда городской Татарский ансамбль песни и пляски «Сандугач» удивил всех своим неординарным появлением, я не могу не вспомнить и такой интересный факт. Моя квартирная хозяйка Алия Хасановна Акчурина, строгая и очень начитанная женщина преклонного возраста, была в курсе всех моих дел, сопереживала за предстоящий дебют ансамбля, но накануне заболела и побывать на концертах не смогла. А через полгода после наших премьерных выступлений, отзывы о которых ещё продолжались, она пригласила меня, как сама выразилась, «серьёзно поговорить о будущем». Деловито села напротив и вдруг заявила:

— Женя, до сих пор все говорят, что концерты ансамбля прошли очень успешно. Но не забывай: останавливаться на достигнутом нельзя. Ты должен расти каждый день. Потом станешь заслуженным деятелем искусств Татарской республики... Лет через 40, я думаю.

Что же касается предсказания Алии Хасановны, то я получил именно это звание, причём ровно через 40 лет!

...приходилось заниматься с хором и солистами. 1959 г.

Саратовский
КЛУБ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ
 им. К. Ля Ахмета
 Труппа №11, 2, 0 + 0, проезд №11, 2 + 4, выход №1

КОНЦЕРТ
ТАТАРСКОГО
АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

Художественный руководитель ансамбля и хореограф
ЕВГЕНИЙ БИКТАШЕВ

Контрабасист
Виталий ШАБАЛИН

Сопрано
Рива ЗАБАЙДУЛЛИ

Постановщик музыкальных номеров
Нияяр ХАСЯНОВА

Руководитель инструментальной группы и балет
Камиль СЕРМЯНОВ

Художник Гешадий БИКИМУРЗАЕВ

ПРОГРАММА В 2-х ОТДЕЛЕНИЯХ
 популярные песни советских (русских и татарских) авторов, татарские народные песни и танцы, сатера и юмер, театральные постановки

Начало в час. Билеты открыты в час.

Саратовский клуб железнодорожников им. Карла Либкнехта

ТАТАРСКИЙ
ЭСТРАДНЫЙ АНСАМБЛЬ «САНДУГАЧ»

Художественный руководитель ансамбля
ЕВГЕНИЙ БИКТАШЕВ

Контрабасист
Виталий Шабалин

Балет
Камиль Сермянов

В концерте принимают участие:

Фарит Комачов	Светлана Губанова
Эрик Салихов	Румия Багдалова
Ишербяк Бикмурзаев	Зайтуна Резенова
Фоат Давыдов	Румия Калимуллина
Владимир Софронов	Нияяр Хасянова
Даньял Бикбаев	Сания Абдрахимова

Ведут концерт Фарит Багдалов и Нарин Мажиева

Программа в 2-х отделениях (на русском и татарском языках)

Песни советских (русских и татарских) авторов, лирические и эстрадные песни **Евгения Бикташева**, татарские народные песни и танцы, сатирические кюмелы, сарыи комедии.

Начало концерта в час. Касса с час.

Самые первые афиши Саратовского городского Татарского ансамбля песни и пляски «Сандугач» («Соловей»). 1959 г., 1960 г.

Глава V

Конечно, всё имеет свою историю, какое-то начало: первое сказанное слово, первая песня, первое выступление на публике. Я вспоминаю свой авторский концерт, который так и остался без порядкового номера...

Летом 1963 года я отдыхал у родственников в посёлке Турки. Однажды работники Дома культуры как бы к слову сообщили, что «понаехало столько молодёжи!», и попросили меня выступить с новыми песнями на очередном танцевальном вечере. Я согласился. Они обещали уточнить дату. Прошла неделя, но об этом больше никто не вспоминал. Правда, был какой-то звонок, будто бы к организации концерта подключился райком комсомола... Буквально за день до моего отъезда появились афиши, в которых сообщалось, что именно сегодня, цитирую, «состоится авторский концерт молодого композитора и поэта». Ещё не зная о том, что скоро мне «всыпят» за именование себя композитором, и покраснев за «поэта», я начал вспоминать тексты своих новых песен, а они, как назло, возникали с вариантами, которые следовало уже забыть.

И вот я на сцене... Дрожу, но даже сквозь плотный занавес понимаю, что в зале аншлаг. Миловидная девушка, как потом оказалось, инструктор райкома по работе с пионерами, добросовестно изложила содержание афиши. Кто-то ринулся к занавесу, но работница ДК пронзительно зашипела:

— Не открывай! Она ещё про Бикташева не рассказала!

Я почувствовал подвох, и не ошибся. В назидательном тоне докладчица припомнила всё: и как меня в хор сначала не взяли, и по каким сёлам района мы ездили, и какой у меня в Саратове «хороший ансамбль, жаль, что татарский». Комсомольская богиня уже не говори-

ла, а завывала. Её голос становился всё громче и выше. Я уже перестал волноваться. Мне было стыдно и смешно, а она всё «пела и пела». Когда её назидательный визг достиг третьей октавы, зал уже не слушал, и выступать после такой увертюры не было смысла.

Задавшись целью сбежать до начала концерта, я вспомнил о крошечной двери в задней части сцены. Но запасной выход был завален. Скорее всего, им давно не пользовались. Там пахло мусором, и очень хотелось чихать. Ценой невероятных усилий я разбросал весь хлам, нащупал крючок, который проржавел настолько, что казался ватным, ударил по нему попавшимся под руку колосником, да так сильно, что крючок сломался, и дверь распахнулась. В это время раздались аплодисменты. Значит, «доклад» окончен и надо спешить.

Я бросился в темноту и, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, пошёл не через центр, а вокруг посёлка. Преодолев километров 5 или 7, я оказался дома только поздно ночью. Родственники, наверное, подумали, что мы решили продолжить концерт на берегу Хопра, либо я кого-то провожаю. А молодёжь потом говорила:

— Ну и правильно сделал, что ушёл, будет он тебе слушать эту нудную лекцию.

Нельзя сказать, что мой первый авторский концерт был неудачным, он вообще не состоялся, вот и остался без порядкового номера.

...1964-й год запомнился мне пёстрым разнообразием, хотя начинался очень грустно. Я, кажется, перетрудился во время зимней сессии. Параллельно с экзаменами сочинял концерт для фортепиано с оркестром, мечтал о каникулах, чтобы его закончить, но вдруг обнаружил — теряю зрение, причём с каждым днем всё больше и больше. Я был старше своих однокурсников и всегда этого стеснялся. Разницу в возрасте подчёркивало и то, что они часто со мной советовались. У нас были наилучшие отношения, но я всё равно пребывал «не в своей тарелке». Перспектива получить среднее музыкальное образование к 25-ти годам, когда некоторые уже заканчивают консерваторскую аспирантуру,

меня и так не слишком радовала, но ослепнуть и остаться без диплома тем более.

К счастью, всё пока обошлось, и заветные «корочки» по специальности «хоровое дирижирование» я получил, хотя многих предметов, которые освоил самостоятельно, в дипломе, конечно же, не было. Для поступления в консерваторию мне понадобилась справка о состоянии здоровья, но выдать её врачи категорически отказались:

— Пока об этом не может быть и речи. Потерпите хотя бы год!

В таблице, по которой проверяют зрение, я мог видеть только первую строку, да и то в непосредственной близости. Судя по тому, с каким диагнозом берут в армию сегодня, мне, наверное, написали бы «годен для ближнего боя».

Но вернёмся к трудоустройству. В областном управлении культуры мне предложили поехать в город Калининск Саратовской области директором музыкальной школы, а в обкоме комсомола сказали:

— Ещё чего! И в Саратове дел хватит!

В то время, особенно с 1964 года, самым престижным центром общения начинающих композиторов, исполнителей и поэтов была областная комсомольская газета «Заря молодёжи». Газетой руководил отличный организатор и справедливый наставник молодёжи В. В. Колчин, выросший потом в замечательного журналиста, составителя солидных книг и директора одного из лучших в стране Приволжского книжного издательства. Саратов был закрытым городом, и данные о тираже даже такой небольшой по формату газеты, как «Заря молодёжи», не публиковались, хотя все знали, что с приходом Виталия Васильевича её тираж только за один год вырос с 35 тысяч до 70 тысяч экземпляров.

А секрет был прост. Почти в каждом номере помещались популярные или новые песни. Молодые композиторы и поэты оказались востребованными и с удовольствием выступали на встречах редакции с читателями. Такие встречи становились всё более интерес-

ными, запоминались как яркие концертные программы, повсеместно ожидаемые и собирающие полные залы. На одном из таких концертов, проходившем в котловане строящейся Саратовской ГЭС, присутствовало полторы тысячи человек. А если учесть, что диспетчерский микрофон стройки, переданный на время обеденного перерыва выступающим, транслировал эту встречу на много километров окрест, то получалось ещё больше...

Возник клуб, объединивший художников, литераторов, артистов и музыкантов. Когда «зашифровали», ахнули: получилось ХЛАМ! А если серьёзно, то при редакции появилось эффективное творческое объединение «Молодые голоса» областного масштаба, которое пользовалось невообразимой популярностью.

В 1960-е годы мы выступали не только в общежитиях, на стройках, но и в исправительно-трудовых колониях. Начальник одной ИТК, решив показать нам свои владения, подчёркивал:

— Это не просто колония, это настоящий завод!

Кто-то из нас возьми да и спроси:

— А как у вас с кадрами?

— Почти нормально,— ответил начальник и, повернувшись к своему заму, добавил: — Кстати, поинтересуйся, как там с обещанным бухгалтером? Сажает они его или нет? А то пусть ищут другого.

Впечатлений добавили записки из зала: «При первой же возможности постарайтесь попасть к нам!» или «Мы ждём вас с нетерпением!». Судя по приёму, записки были искренними.

Однажды я, поэт Василий Шабанов и два московских журналиста выступали перед работницами швейной фабрики, что в посёлке «Красный Текстильщик» под Саратовом. Вдруг приходит записка: «Оставайтесь после концерта. Не пожалеете! Ваши поклонницы».

— Спасибо, но это невозможно,— отвечает Василий прямо со сцены.

Потом вторая записка: «Добром просим. Оставайтесь, а то машину перевернём!»

Мы опять объясняем:

— Извините, девушки, опаздываем на поезд.

А когда вышли на улицу... не поверите: наш автомобиль лежал на боку!

Именно в те годы как-то в трамвае я впервые услышал свою песню от незнакомых людей. Её исполняли громко, но неверно. Я подошёл к поющим и показал правильный мотив. Так вот, одна из девушек обиделась, недовольно бросила: «Уж понимал бы... — и, покрутив пальцем у виска, добавила: — Ну хоть чего-нибудь!»

С тех пор никаких замечаний я никому не делаю.

Самая продолжительная и многолюдная (17 человек) гастрольная поездка «Молодых голосов» по городам и районам саратовского Поволжья состоялась в августе — сентябре 1964 года. Согласно маршруту после города Балаково все переезжали в Маркс. А у меня возникли неотложные дела в Саратове, и с последнего балаковского концерта я уехал, при условии, что в Марксе окажусь раньше и займусь оргвопросами.

И вот я в Марксе... Развесили новую порцию афиш, заказали для всех ужин, гостиницу, и в назначенное время появилась молодёжь с цветами. Клуб завода «Коммунист» был переполнен.

— А где «Молодые голоса»? — сначала меня об этом робко спрашивали, потом стали настойчиво требовать: — Ну, где же они, в конце концов? Сделайте что-нибудь!

— А что я могу сделать, раз они не приехали? — отвечал я, не скрывая своей причастности к конфузу.

— Да хоть сами выступайте, если можете, а лучше переносите.

Выходить к зрителям с известием об отмене концерта местные организаторы не хотели. Они настаивали на том, чтобы это сделал именно я.

Решив отменить встречу, я вышел на сцену, но едва успел произнести: «Здравствуйте, дорогие друзья», как раздался такой шквал аплодисментов, что говорить о переносе уже не осмелился и, к удивлению комсомольских вожаков, сел за рояль. Весь вечер я играл и пел свои песни, что-то рассказывал, потом принесли аккордеон, и я опять играл, пел, даже шутил... Оказалось, что это и был мой первый авторский концерт. Неожиданный,

возникший по воле случая и удавшийся! С него не надо было убегать через глухую дверь. Да меня и не отпустили бы! Кстати, я давно хотел убедиться в том, что, владея роялем, аккордеоном и достаточным для композитора голосом, сочиняя и музыку, и тексты, могу выступать самостоятельно, а не только в общих программах, где кто-то решает, что можно петь, а что нельзя.

Несмотря на всякие там комплименты, свой первый авторский концерт я пережил спокойно и был рад хорошим аплодисментам в конце программы. Но меня мучил вопрос, почему их было так много и в самом начале? Я ведь только что окончил музучилище и в этом городе никогда не бывал. А может, меня приняли за кого-то другого?

Ответ появился через несколько дней, когда в Саратов прислали статью «Встреча с композитором», опубликованную в местной газете города Маркса (02.09.64 г.). Журналист О. Владимиров (ныне Шумахер) писал:

«Все, кто любит музыку, массовую песню, были приятно обрадованы, когда стало известно, что в наш город Маркс приедет Евгений Бикташев.

И вот творческий концерт молодого, талантливого саратовского композитора состоялся. Евгений Бикташев, молодой и по возрасту, и по своей творческой работе. Но его песни уже завоевали популярность: их поют в Саратове, Казани и других городах(...) В то же время он является автором текстов для многих своих песен. Бикташев работает и в других музыкальных жанрах, пробует свои силы в камерной музыке.

Композитор-песенник ведёт большую общественную работу на телевидении, радио, в редакции газеты «Заря молодёжи», оказывает большую помощь коллективам художественной самодеятельности. Присутствующие в зале тепло встретили Евгения Бикташева. С первых же минут творческого вечера он полюбился слушателям, которые награждали его дружными аплодисментами (...)»

Прочитав статью, я убедился, что аплодировали всё-таки мне, и успокоился, но понял и то, насколько редакция газеты «Заря молодёжи», её редактор В. В. Кол-

чин и все сотрудники были внимательны к молодым авторам. Может быть, даже слишком внимательны!

Я заглянул в архив и удивился — только за 10 месяцев 1964 года в «Заре молодёжи» было опубликовано 7 моих песен и 11 материалов о концертах, в которых я участвовал.

Вот почему в каждом городе и селе о нас, молодых авторах, знали задолго до выступлений, хотя напечататься было непросто, вопрос о том, чья песня лучше, решался не только в редакции, но и на встречах с молодыми читателями. Зато победа радовала всех.

Конечно, «раскручивая» нас, газета работала и на свою популярность, но молодых поднимали и заботливо опекали.

Н. К. Женя часто вспоминает об этих совместных концертах. Валентина Григорьевна, вы ведь работали в «Заре молодёжи» и Василия Шабанова знали, наверное, лично. Даже по газетам видно, что Бикташев и Шабанов выступали, ну, скажем так, больше других.

В. Ф.. Они были организаторами постоянных встреч с молодёжью, признанными лидерами и желанными авторами. Вот эта статья с их фотографиями как раз о «друзьях» поэта и композитора.

«Спасибо вам, друзья газеты». (Саратовская областная газета «Заря молодёжи» за 19.12.68 г.) «МОЛОДЫЕ ГОЛОСА». «Редкий день редакционная почта не исчисляется десятками писем. Подобно ручейкам, питающим море, они обеспечивают информацией о многогранной жизни нашего современника. Журналисты «Зари молодёжи» черпают в письмах темы для своих очерков, корреспонденций, репортажей.

Вместе с письменным широко практикуется устное общение редакции с молодёжью. Большую помощь в этом газете оказывает творческая молодёжь. Каждый считает делом чести не только опубликовать свои новые работы в родной газете, но и показать их на творческих встречах сотрудников редакции с читателями.

Поистине неутомимыми пропагандистами «Зари молодёжи» много лет подряд выступают Васи-

лий Шабанов и Евгений Бикташев. Балаково и Ртищево, Аткарск и Маркс, Балашов и Вольск, Красноармейск и Ершов — вот география творческих командировок поэта и композитора. После каждого их выступления без преувеличения можно сказать, что «Заря молодёжи» приобретала много новых друзей.

Редколлегия выражает горячую благодарность Василию Шабанову и Евгению Бикташеву за активную пропаганду газеты». В. МОРГУНОВ.

Но случилось, что в бочку мёда попадала и ложка дёгтя. Однажды меня позвал к себе в кабинет проректор Саратовской консерватории и спросил:

— Как зовут редактора «Зари молодёжи»?

— Виталий Васильевич Колчин,— ответил я.

— Его телефон 2-11-73...

— Да, такой.

— Подождите здесь, я с ним поговорю,— сказал проректор, набрал телефон редактора, и я услышал следующее:

— Виталий Васильевич, говорит ответственный секретарь Союза композиторов, проректор консерватории... Когда вы перестанете печатать песни Бикташева? Вы кончайте это дело, иначе мы будем жаловаться в обком!

Понимаю, что вам хотелось бы знать фамилию звонившего. Но давайте условимся, что имена и фамилии людей, сделавших мне когда-нибудь больно, я называть не буду. Возможно, они были в чём-то и правы, а мне это помогло избавиться от лишних минусов. Говорят, что нас формируют враги. Врагами я никого не считаю, тем более что со многими давно подружился: они поняли меня, я простил их. И, как всегда, жизнь всё расставила по своим местам.

А тогда ситуация осложнилась. Я не знаю, кто из участников того телефонного разговора на кого пожаловался, но на одном важном городском форуме первый секретарь Саратовского обкома комсомола Юрий Петрович Кочетков сказал в своём докладе такие слова: «Пока местное отделение Союза композиторов мало уделяет вни-

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.	3
Глава II.	25
Глава III.	40
Глава IV.	49
Глава V.	59
Глава VI.	74
Глава VII.	98
Глава VIII.	124
Глава IX.	146
Глава X.	166
Глава XI.	181
Глава XII.	202
Глава XIII.	229
Глава XIV.	254
Глава XV.	278
Глава XVI.	306
Глава XVII.	330
Глава XVIII.	352
Глава XIX.	379
Глава XX.	403
Список упомянутых имён.	468
Список опубликованных песен.	476

Художественно-документальное издание

Евгений Михайлович Бикташев

САРАТОВСКИЙ ВАЛЬС

Редактор В. Г. Фатеева

Художественный редактор В. К. Иванов

Компьютерная вёрстка Е. Г. Лазарева

Подписано в печать 15.06.2005 г. Формат 60X90 1/16. Бумага офсетная Гознак. Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30+2,5 вклейка. Уч.-изд. л. 23,85+2,14 вклейка. Тираж 2000 экз. Заказ 14663. Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.

ОАО «Региональное Приволжское издательство «Детская книга». 410028, г. Саратов, ул. Вольская, 63.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ГРАМОТА

*Почетного гражданина
Саратовской области*

*В знак высшей признательности
и уважения жителей
Саратовской области*

БИКТАШЕВУ
Евгению Михайловичу

*присвоено звание
"Почетный гражданин Саратовской области"*

*Председатель Саратовской
областной Думы*

С.А. Шувалов

*Губернатор
Саратовской области*

Д.Ф. Аязков

*Постановление Саратовской
областной Думы
от 29 декабря 2003 г. № 20-800*

№11

2:20p

